

**Генеральная Ассамблея**

Distr.: General
26 July 2010
Russian
Original: English and French

Шестьдесят четвертая сессия

Пункт 77 повестки дня

Просьба о вынесении Международным Судом консультативного заключения относительно того, соответствует ли одностороннее провозглашение независимости Косово нормам международного права

Консультативное заключение Международного Суда относительно соответствия одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права

Записка Генерального секретаря

1. На 22-м пленарном заседании своей шестьдесят третьей сессии 8 октября 2008 года Генеральная Ассамблея в своей резолюции 63/3 постановила, в соответствии со статьей 96 Устава Организации Объединенных Наций, просить Международный Суд, согласно статье 65 Статута Суда, вынести консультативное заключение по следующему вопросу:

«Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права?».

2. 22 июля 2010 года Международный Суд вынес свое консультативное заключение по вышеуказанному вопросу.

3. 26 июля 2010 года я получил должным образом подписанный и скрепленный печатью экземпляр этого консультативного заключения Суда.

4. Настоящим я препровождаю Генеральной Ассамблее вынесенное Международным Судом 22 июля 2010 года консультативное заключение по делу, озаглавленному «Соответствие одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права».

5. Индивидуальные мнения, особые мнения и заявления, приобщенные к консультативному заключению, будут изданы в виде добавления к настоящей записке.



22 июля 2010 года

Консультативное заключение

**Соответствие одностороннего провозглашения независимости
Косово нормам международного права**

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Процессуальная хронология	1–16	8
I. Юрисдикция и дискреционное право	17–48	15
А. Юрисдикция	18–28	15
В. Дискреционное право	29–48	18
II. Объем и смысл вопроса	49–56	25
III. Фактическая сторона	57–77	27
А. Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности и соответствующие распоряжения МООНК	58–63	28
В. Соответствующие события в процессе определения окончательного статуса, происшедшие до 17 февраля 2008 года	64–73	31
С. События 17 февраля 2008 года и более позднего времени	74–77	34
IV. Вопрос о том, соответствует ли декларация независимости международному праву	78–121	36
А. Общее международное право	79–84	36
В. Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности и выработанные на ее основании Конституционные рамки МООНК	85–121	39
1. Толкование резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности	94–100	42
2. Вопрос о том, соответствует ли декларация независимости резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности и введенным на ее основании мерам	101–121	44
а) Идентификация авторов декларации независимости	102–109	44
б) Вопрос о том, действовали ли авторы декларации независимости в нарушение резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности или введенных на ее основании мер	110–121	47
V. Общий вывод	122	51
Резолютивная часть	123	51

Международный Суд

2010 год

22 июля 2010 года

Общий список

№ 141

22 июля 2010 года

Соответствие одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права

Юрисдикция Суда для вынесения запрошенного консультативного заключения.

Пункт 1 статьи 65 Статута — Пункт 1 статьи 96 Устава — Полномочие Генеральной Ассамблеи запрашивать консультативные заключения — Статьи 10 и 11 Устава — Утверждение о том, что Генеральная Ассамблея вышла за пределы своих полномочий по Уставу — Пункт 1 статьи 12 Устава — Разрешение запрашивать консультативное заключение не ограничивается статьей 12.

Требования в отношении того, чтобы вопрос, по которому Суд просят вынести заключение, был «юридическим вопросом» — Утверждение о том, что акт принятия декларации независимости регулируется внутренним конституционным правом — Суд может ответить на вопрос посредством анализа международного права, не обращаясь при этом к внутреннему праву — То обстоятельство, что какой-либо вопрос имеет политические аспекты, не лишает этот вопрос его юридического характера — Для Суда не имеют значения ни политические мотивы, обусловившие просьбу, ни политические последствия, которые может иметь его заключение.

Суд обладает юрисдикцией для вынесения запрошенного консультативного заключения.

* *

Дискреционное право Суда решать вопрос о том, должен ли он выносить заключение.

Целостность судебной функции Суда — Только «веские основания» должны заставить Суд отказаться от осуществления своей судебной функции — Мотивы отдельных государств, являющихся авторами резолюции, в которой содержится просьба о вынесении консультативного заключения, не имеют значения для осуществления Судом своего дискреционного права — Оценка запрашивающим органом цели, целесообразности и политических последствий заключения.

Разграничение соответствующих полномочий Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи — Характер причастности Совета Безопасности к проблеме Косово — Статья 12 Устава не препятствует принятию Генеральной Ассамблеей мер в отношении угроз международному миру и безопасности, находящихся на рассмотрении Совета Безопасности — Генеральная Ассамблея принимает меры в отношении ситуации в Косово.

Отсутствие веских оснований для того, чтобы Суд использовал свое дискреционное право не выносить консультативное заключение.

* *

Объем и смысл вопроса.

Текст вопроса в резолюции 63/3 Генеральной Ассамблеи — Полномочие Суда уточнять вопрос — Отсутствие необходимости менять формулировку вопроса, поставленного Генеральной Ассамблеей — Для надлежащего осуществления своей судебной функции Суд обязан идентифицировать авторов декларации независимости — Отсутствие у Генеральной Ассамблеи намерения ограничивать свободу Суда разрешать этот вопрос — Задача Суда заключается в определении того, была ли декларация принята в нарушение норм международного права.

Фактическая сторона.

Рамки для временной администрации в Косово, установленные Советом Безопасности — Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности — Учреждение Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово (МООНК) — Роль Специального представителя Генерального секретаря — «Четыре опоры» режима МООНК — Конституционные рамки для временного самоуправления — Отношения между временными институтами самоуправления и Специальным представителем Генерального секретаря.

Соответствующие события в процессе определения окончательного статуса — Назначение Генеральным секретарем Специального посланника по процессу определения будущего статуса Косово — Руководящие принципы Контактной группы — Провал консультативного процесса — Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово, представленное Специальным посланником — Провал переговоров о будущем статусе Косово под эгидой «тройки» — Проведение 17 ноября 2007 года выборов в Скупщину Косово — Принятие 17 февраля 2008 года декларации независимости.

* *

Соответствует ли декларация независимости нормам международного права.

Если исходить из практики государств, то запрет на декларации независимости отсутствует — Аргумент о том, что запрещение односторонних деклараций независимости подразумевает принципом территориальной целостности — Охват принципа территориальной целостности сводится к сфере межгосударственных отношений — Из практики Совета Безопасности в отношении деклараций независимости невозможно вывести общий запрет — Аспекты, касающиеся объема права на самоопределение и существо-

вания какого-либо права на «ремедиальное отделение», выходят за пределы вопроса, поставленного Генеральной Ассамблеей.

Общее международное право не содержит применимого запрета на декларации независимости — Декларация независимости от 17 февраля 2008 года не нарушила общее международное право.

Резолюция 1244 Совета Безопасности и Конституционные рамки — Резолюция 1244 (1999) порождает международно-правовые обязательства и является частью применимого международного права — Конституционные рамки носят международно-правовой характер — Конституционные рамки являются частью специфического правопорядка, созданного во исполнение резолюции 1244 (1999) — Конституционные рамки регулируют вопросы, которые относятся к внутреннему праву — Надзорные полномочия Специального представителя Генерального секретаря — По состоянию на 17 февраля 2008 года резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности и Конституционные рамки сохраняли свою силу и применимость — Ни тот, ни другой документ не содержит клаузулы, предусматривающей прекращение его действия, и не отменен — Специальный представитель Генерального секретаря продолжает осуществлять свои функции в Косово.

Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности и Конституционные рамки образуют часть международного права, которое надлежит рассмотреть, чтобы ответить на поставленный перед Судом вопрос.

Толкование резолюций Совета Безопасности — Резолюцией 1244 (1999) учреждены международные гражданское присутствие и присутствие по безопасности в Косово — Временное приостановление осуществления Сербией власти, протекающей из ее сохраняющегося суверенитета над территорией Косово — Резолюция 1244 (1999) создала временный режим — Объект и цель резолюции 1244 (1999).

Идентификация авторов декларации независимости — Была ли декларация независимости актом Скупщины Косово — Авторы декларации не стремились действовать в рамках временного самоуправления Косово — Авторы обещали выполнять международные обязательства Косово — В подлинном тексте на албанском языке нет ссылок на то, что декларация исходит от Скупщины Косово — Молчание Специального представителя Генерального секретаря — Авторы декларации независимости совместно выступили в качестве представителей народа Косово вне рамок временной администрации.

Действовали ли авторы декларации независимости в нарушение резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности или нет — Резолюция 1244 (1999) адресована к государствам — членам Организации Объединенных Наций и учреждениям Организации Объединенных Наций — Отсутствие конкретных обязанностей, адресованных другим субъектам — Резолюция не содержит какого-либо положения, посвященного окончательному статусу Косово — Совет Безопасности не зарезервировал за собой окончательное определение ситуации в Косово — Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности не препятствовала авторам декларации от 17 февраля 2008 года выступить с декларацией независимости — Декларация независимости не нарушила резолюцию 1244 (1999) Совета Безопасности.

Декларация независимости не была провозглашена временными институтами самоуправления — Декларация независимости не нарушила Конституционные рамки.

Принятие декларации независимости не нарушило какую-либо применимую норму международного права.

Консультативное заключение

Присутствовали: Председатель Овада; Вице-председатель Томка; судьи Коррома, аль-Хасауна, Бюргенталь, Зимма, Абраам, Кит, Сепульведа-Амор, Беннуна, Скотников, Кансаду Триндади, Юсуф, Гринвуд; Секретарь Куврёр.

Относительно соответствия одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права

Суд

в вышеуказанном составе

выносит следующее консультативное заключение:

1. Вопрос, по которому было запрошено консультативное заключение Суда, изложен в резолюции 63/3, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций (далее — «Генеральная Ассамблея») 8 октября 2008 года. Письмом от 9 октября 2008 года, которое было получено в Секретариате по факсу 10 октября 2008 года и подлинник которого был получен в Секретариате 15 октября 2008 года, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций официально препроводил Суду решение Генеральной Ассамблеи представить вопрос для вынесения консультативного заключения. К письму были приложены заверенные подлинные копии резолюции на английском и французском языках. Эта резолюция гласит:

«Генеральная Ассамблея,

памятуя о целях и принципах Организации Объединенных Наций,

принимая во внимание ее функции и полномочия по Уставу Организации Объединенных Наций,

напоминая, что 17 февраля 2008 года временные институты самоуправления Косово провозгласили независимость от Сербии,

сознавая, что этот акт был неоднозначно воспринят членами Организации Объединенных Наций в плане его соответствия действующим нормам международного правопорядка,

постановляет, в соответствии со статьей 96 Устава Организации Объединенных Наций, просить Международный Суд, согласно статье 65 Статута Суда, вынести консультативное заключение по следующему вопросу:

„Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права?“».

2. Письмами от 10 октября 2008 года Секретарь во исполнение пункта 1 статьи 66 Статута сообщил о просьбе о вынесении консультативного заключения всем государствам, имеющим право доступа к Суду.

3. Постановлением от 17 октября 2008 года в соответствии с пунктом 2 статьи 66 Статута Суд постановил, что Организация Объединенных Наций и ее государства-члены могли бы представить информацию по данному вопросу. Тем же постановлением Суд установил соответственно 17 апреля 2009 года в качестве срока для подачи письменных докладов по этому вопросу и 17 июля 2009 года в качестве срока, в течение которого государства и организации, представившие письменные доклады, могут представить письменные замечания по другим письменным докладам в соответствии с пунктом 4 статьи 66 Статута.

Суд постановил также, что, поскольку односторонняя декларация независимости от 17 февраля 2008 года является предметом вопроса, который представлен Суду для вынесения консультативного заключения, авторы вышеуказанной декларации могли бы представить информацию по данному вопросу. В этой связи он постановил далее предложить им представить письменные материалы Суду в те же сроки.

4. Письмами от 20 октября 2008 года Секретарь информировал Организацию Объединенных Наций и ее государства-члены о решениях Суда и препроводил им копию постановления. Письмом от той же даты Секретарь информировал авторов вышеуказанной декларации независимости о решениях Суда и препроводил им копию постановления.

5. В соответствии с пунктом 2 статьи 65 Статута 30 января 2009 года Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций направил в Суд досье из документов, которые могли бы пролить свет на данный вопрос. Это досье впоследствии было размещено на веб-сайте Суда.

6. В пределах установленного Судом для этой цели срока письменные доклады представили (в порядке получения) следующие страны: Чешская Республика, Франция, Кипр, Китай, Швейцария, Румыния, Албания, Австрия, Египет, Германия, Словакия, Российская Федерация, Финляндия, Польша, Люксембург, Ливийская Арабская Джамахирия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Сербия, Испания, Исламская Республика Иран, Эстония, Норвегия, Нидерланды, Словения, Латвия, Япония, Бразилия, Ирландия, Дания, Аргентина, Азербайджан, Мальдивские Острова, Сьерра-Леоне и Боливия. Авторы односторонней декларации независимости представили письменные материалы. 21 апреля 2009 года Секретарь направил копии письменных докладов и письменных материалов всем государствам, представившим письменные доклады, а также авторам односторонней декларации независимости.

7. 29 апреля 2009 года Суд постановил принять письменный доклад, представленный Боливарианской Республикой Венесуэла 24 апреля 2009 года — после истечения соответствующего срока. 15 мая 2009 года Секретарь направил копии этого письменного доклада всем государствам, представившим письменные доклады, а также авторам односторонней декларации независимости.

8. Письмами от 8 июня 2009 года Секретарь информировал Организацию Объединенных Наций и ее государства-члены о том, что Суд постановил провести начиная с 1 декабря 2009 года слушания, на которых они могут представить устные доклады и замечания, независимо от того, представили ли они

письменные доклады и, в зависимости от обстоятельств, письменные замечания. Организации Объединенных Наций и ее государствам-членам было предложено информировать Секретариат до 15 сентября 2009 года о том, намерены ли они принять участие в устном производстве. В письмах указывалось далее, что авторы односторонней декларации независимости могут представить устную информацию.

Письмом от той же даты Секретарь информировал авторов односторонней декларации независимости о решении Суда провести слушания, предложив им сообщить в установленный срок, намерены ли они принять участие в устном производстве.

9. В пределах установленного Судом для этой цели срока письменные замечания представили (в порядке получения) следующие страны: Франция, Норвегия, Кипр, Сербия, Аргентина, Германия, Нидерланды, Албания, Словения, Швейцария, Боливия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки и Испания. Авторы односторонней декларации независимости представили письменную информацию относительно письменных докладов.

10. По получении вышеуказанных письменных замечаний и письменной информации Секретарь 24 июля 2009 года направил их копии всем государствам, представившим письменные доклады, а также авторам односторонней декларации независимости.

11. Письмами от 30 июля 2009 года Секретарь направил Организации Объединенных Наций и всем ее государствам-членам, которые не участвовали в письменном производстве, копии всех письменных докладов и письменных замечаний, а также письменной информации, полученной от авторов односторонней декларации независимости.

12. Письмами от 29 сентября 2009 года Секретарь направил подробное расписание слушаний тем, кто в течение установленного Судом для этой цели срока выразил намерение принять участие в вышеуказанном разбирательстве.

13. В соответствии со статьей 106 Регламента Суда Суд постановил сделать доступными для публики с момента открытия устного производства письменные доклады и письменные замечания, представленные Суду, а также письменную информацию, полученную от авторов односторонней декларации независимости.

14. В ходе слушаний, состоявшихся 1–11 декабря 2009 года, Суд заслушал (в порядке их перечисления) устные доклады, с которыми выступили:

за Республику Сербия:

Его Превосходительство г-н Душан Т. Батакович, доктор истории, Университет «Париж-Сорбонна» (IV Парижский), Посол Республики Сербия во Франции, заместитель директора Института балканистики и преподаватель Белградского университета, глава делегации,

г-н Владимир Джерич, доктор юридических наук (Мичиган), адвокат, «Микиель, Янкович и Богданович», Белград, поверенный и адвокат,

г-н Андреас Циммерман, магистр права (Гарвард), профессор международного права, Потсдамский университет, директор Потсдамского центра прав человека, член Постоянной палаты третейского суда, поверенный и адвокат,

г-н Малколм Н. Шо, королевский адвокат, профессор международного права, удостоенный кафедры им. сэра Роберта Дженнинга, Лестерский университет, Соединенное Королевство, поверенный и адвокат,

г-н Марсело Г. Коэн, профессор международного права, Институт высших исследований по международным проблемам и проблемам развития, Женева, ассоциированный член Института международного права, поверенный и адвокат,

г-н Саша Обрадович, генеральный инспектор в Министерстве иностранных дел, заместитель главы делегации;

*за авторов односторонней
декларации независимости:*

г-н Скендер Хюсени, глава делегации,

сэр Майкл Вуд, кавалер ордена Свв. Михаила и Георгия II степени, член английской адвокатуры, член Комиссии международного права, поверенный,

г-н Даниель Мюллер, научный сотрудник Нантерского центра международного права (СЕДИН), Университет «Париж-Запад — Нантер — Ла-Дефанс», поверенный,

г-н Шон Д. Мерфи, профессор права, удостоенный исследовательской кафедры им. Патриции Робертс Харрис, Университет Джорджа Вашингтона, поверенный;

за Республику Албания:

Его Превосходительство г-н Газменд Барбулуши, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Албания в Королевстве Нидерландов, юрисконсульт,

г-н Йохен А. Фровайн, магистр сравнительного правоведения, почетный директор Института международного права им. Макса Планка, почетный профессор Хайдельбергского университета, член Института международного права, юрисконсульт,

	г-н Терри Д. Гилл, профессор военного права в Амстердамском университете и доцент международного публичного права в Утрехтском университете, юрисконсульт;
<i>за Федеративную Республику Германия:</i>	г-жа Зузанне Васум-Райнер, юрисконсульт, Федеральное министерство иностранных дел (Берлин);
<i>за Королевство Саудовская Аравия:</i>	Его Превосходительство г-н Абдулла А. аш-Шагруд, Посол Королевства Саудовская Аравия в Королевстве Нидерландов, глава делегации;
<i>за Аргентинскую Республику:</i>	Ее Превосходительство г-жа Сусана Руис Серрутти, Посол, юрисконсульт в Министерстве иностранных дел, внешней торговли и по делам культов, глава делегации;
<i>за Австрийскую Республику:</i>	Его Превосходительство г-н Хельмут Тихий, Посол, заместитель юрисконсульта, Федеральное министерство европейских и международных дел;
<i>за Азербайджанскую Республику:</i>	Его Превосходительство г-н Агшин Мехдиев, Посол и Постоянный представитель Азербайджана при Организации Объединенных Наций;
<i>за Республику Беларусь:</i>	Ее Превосходительство г-жа Елена Гриценко, Посол Республики Беларусь в Королевстве Нидерландов, глава делегации;
<i>за Многонациональное Государство Боливия:</i>	Его Превосходительство г-н Роберто Кальсальдилья Сармьенто, Посол Многонационального Государства Боливия в Королевстве Нидерландов;
<i>за Федеративную Республику Бразилия:</i>	Его Превосходительство г-н Жозе Артур Денот Медейрус, Посол Федеративной Республики Бразилия в Королевстве Нидерландов;
<i>за Республику Болгария:</i>	г-н Златко Димитров, доктор юридических наук, директор Управления международного права, Министерство иностранных дел, глава делегации;
<i>за Республику Бурунди:</i>	г-н Тома Баранкице, правовой референт, поверенный, г-н Жан д'Аспремон, доцент, Амстердамский университет, приглашенный руководитель курса, Лёвенский католический университет, поверенный;

- за Китайскую Народную Республику:* Ее Превосходительство г-жа Сюэ Ханьцин, Посол при Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), юрисконсульт Министерства иностранных дел, член Комиссии международного права, член Института международного права, глава делегации;
- за Республику Кипр:* Его Превосходительство г-н Яковос Друшитис, Посол Республики Кипр в Королевстве Нидерландов,
г-н Вон Лоу, королевский адвокат, член английской адвокатуры, профессор международного права, удостоенный Чичелской кафедры, Оксфордский университет, поверенный и адвокат,
г-н Поливиос Г. Поливиу, поверенный и адвокат;
- за Республику Хорватия:* Ее Превосходительство г-жа Андрея Метелко-Згомбич, Посол, главный советник по правовым вопросам в Министерстве иностранных дел и европейской интеграции;
- за Королевство Дания:* Его Превосходительство г-н Томас Винклер, Посол, заместитель секретаря по правовым вопросам, Министерство иностранных дел, глава делегации;
- за Королевство Испания:* г-жа Консепсьон Эскобар Эрнандес, юрисконсульт, глава Департамента международного права, Министерство иностранных дел и сотрудничества, глава делегации и адвокат;
- за Соединенные Штаты Америки:* г-н Харолд Хонджу Го, юрисконсульт, Государственный департамент, глава делегации и адвокат;
- за Российскую Федерацию:* Его Превосходительство г-н Кирилл Геворгян, Посол, директор Правового департамента, Министерство иностранных дел, глава делегации;
- за Финляндскую Республику:* г-жа Пяйви Каукоранта, генеральный директор, Правовая служба, Министерство иностранных дел,
г-н Мартти Коскенниemi, профессор Хельсинкского университета;
- за Французскую Республику:* г-жа Эдвиж Белльяр, директор по правовым вопросам, Министерство иностранных и европейских дел,
г-н Матьяс Форто, профессор Университета «Париж-Запад — Нантер — Ла-Дефанс»;

<i>за Иорданское Хашимитское Королевство:</i>	Его Королевское Высочество принц Зейд Раад Зейд аль-Хусейн, Посол Иорданского Хашимитского Королевства в Соединенных Штатах Америки, глава делегации;
<i>за Королевство Норвегия:</i>	г-н Рольф Эйнар Фифе, генеральный директор, Департамент по правовым вопросам, Министерство иностранных дел, глава делегации;
<i>за Королевство Нидерландов:</i>	г-жа Лисбет Лейнзад, юрисконсульт, Министерство иностранных дел;
<i>за Румынию:</i>	г-н Богдан Ауреску, статс-секретарь, Министерство иностранных дел, г-н Космин Динеску, генеральный директор по правовым вопросам, Министерство иностранных дел;
<i>за Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии:</i>	г-н Дэниел Бетлехем, королевский адвокат, юрисконсульт при Министерстве иностранных дел и по делам Содружества, представитель Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, поверенный и адвокат, г-н Джеймс Крофорд, старший адвокат, профессор международного права, удостоенный Уэвеллской кафедры, Кембриджский университет, член Института международного права, поверенный и адвокат;
<i>за Боливарианскую Республику Венесуэла:</i>	г-н Алехандро Флеминг, заместитель Министра по делам Европы в Министерстве народной власти по иностранным делам;
<i>за Социалистическую Республику Вьетнам:</i>	Ее Превосходительство г-жа Нгуен Тхи Хоанг Ань, доктор права, генеральный директор, Департамент международного права и договоров, Министерство иностранных дел.

15. В ходе устного производства члены Суда задали вопросы участникам; некоторые из них представили ответы в письменной форме, как это требовалось, в пределах установленного срока.

16. В устном производстве принимал участие судья Ши; впоследствии 28 мая 2010 года он вышел в отставку, завершив работу в Суде.

* * *

I. Юрисдикция и дискреционное право

17. При получении просьбы о вынесении консультативного заключения Суд сначала обязан изучить вопрос о том, обладает ли он юрисдикцией для вынесения консультативного заключения, а в случае утвердительного ответа — есть ли какие-либо основания, в силу которых Суд, пользуясь своим дискреционным правом, должен отказаться осуществлять такую юрисдикцию в представленном ему деле (*Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996 (I)*, p. 232, para. 10; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 144, para. 13).

A. Юрисдикция

18. Таким образом, Суд в первую очередь рассмотрит вопрос о том, обладает ли он юрисдикцией для вынесения консультативного заключения, запрошенного Генеральной Ассамблеей 8 октября 2008 года. Правомочие Суда выносить консультативное заключение закреплено в пункте 1 статьи 65 его Статута, согласно которому:

«Суд может давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу по запросу любого учреждения, уполномоченного делать такие запросы самим Уставом Организации Объединенных Наций или согласно этому Уставу».

19. Применяя это положение, Суд указал следующее:

«Предварительное условие осуществления Судом юрисдикции заключается в том, что консультативное заключение должно испрашиваться каким-либо органом, должным образом уполномоченным делать такие просьбы согласно Уставу, что оно должно испрашиваться по юридическому вопросу и что, за исключением случаев, касающихся Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности, вопрос должен входить в сферу деятельности запрашивающего органа» (*Application for Review of Judgement No. 273 of the United Nations Administrative Tribunal, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1982*, pp. 333–334, para. 21).

20. Суд должен убедиться в том, что просьба о вынесении консультативного заключения подается органом Организации Объединенных Наций или специализированным учреждением, уполномоченным делать это. Генеральная Ассамблея правомочна запрашивать консультативное заключение в силу статьи 96 Устава, согласно которой:

«1. Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности могут запрашивать от Международного Суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу.

2. Другие органы Организации Объединенных Наций и специализированные учреждения, которым Генеральная Ассамблея может дать в любое время разрешение на это, также могут запрашивать консультативные заключения Суда по юридическим вопросам, возникающим в пределах их круга деятельности».

21. Хотя в пункте 1 статьи 96 Генеральная Ассамблея уполномочивается запрашивать консультативные заключения «по любому юридическому вопросу», Суд в прошлом иногда указывал на взаимосвязь между вопросом, являющимся предметом просьбы о вынесении консультативного заключения, и деятельностью Генеральной Ассамблеи (*Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania, First Phase, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1950*, p. 70; *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996 (I)*, pp. 232–233, paras. 11–12; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 145, paras. 16–17).

22. Суд отмечает, что статья 10 Устава предусматривает следующее:

«Генеральная Ассамблея уполномочивается обсуждать любые вопросы или дела в пределах настоящего Устава или относящиеся к полномочиям и функциям любого из органов, предусмотренных настоящим Уставом, и, за исключениями, предусмотренными статьей 12, делать рекомендации Членам Организации Объединенных Наций, или Совету Безопасности, или и Членам Организации, и Совету Безопасности по любым таким вопросам или делам».

Кроме того, пункт 2 статьи 11 Устава непосредственно наделяет Генеральную Ассамблею полномочием обсуждать «любые вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, поставленные перед нею любым Членом Организации Объединенных Наций» и, опять же с учетом ограничения, предусмотренного в статье 12, делать рекомендации в этом отношении.

23. Пункт 1 статьи 12 Устава предусматривает следующее:

«Когда Совет Безопасности выполняет возложенные на него настоящим Уставом функции по отношению к какому-либо спору или ситуации, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся данного спора или ситуации, если Совет Безопасности не запросит об этом».

24. В рамках настоящего разбирательства было указано, что поскольку ситуация в Косово занимается Совет Безопасности, то в силу пункта 1 статьи 12 просьба Генеральной Ассамблеи о вынесении консультативного заключения выходит за рамки ее полномочий по Уставу и тем самым не охватывается разрешением, предусмотренным пунктом 1 статьи 96. Однако, как Суд уже ранее заявлял, «просьба о вынесении консультативного заключения сама по себе не представляет «рекомендацию» Генеральной Ассамблеи» в отношении какого-либо спора или ситуации» (*Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 148, para. 25). Таким образом, хотя статья 12 и ограничивает сферу охвата решений, которые Генеральная Ассамблея может принимать после получения заключения Суда (вопрос, по которому Суду в данном контексте нет необходимости принимать решение), сама по себе она не ограничивает разрешение запрашивать консультативное заключение, предоставленное Генеральной Ассамблеей пунктом 1 статьи 96. Вопрос о том, может ли разграничение соответствующих полномочий Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи (один из аспектов которого отражен в статье 12) привести к тому, что Суд с учетом обстоятельств настоящего дела откажется осуществлять свою юрисдикцию по

вынесению консультативного заключения, представляет собой самостоятельный вопрос (который Суд рассмотрит в пунктах 29–48 ниже).

25. Суд также должен убедиться в том, что вопрос, по которому его просят вынести заключение, является «юридическим вопросом» по смыслу статьи 96 Устава и статьи 65 Статута. В настоящем деле поставленный перед Судом Генеральной Ассамблеей вопрос заключается в том, соответствует ли нормам международного права «провозглашение независимости», о котором говорится в этом вопросе. Любой вопрос, прямо требующий от Суда ответа на то, согласуется ли какое-либо действие с международным правом, безусловно, представляется юридическим вопросом; как Суд уже имел возможность отметить, вопросы, «сформулированные в юридических выражениях и затрагивающие проблемы международного права... в силу самого своего характера могут иметь ответ, основанный на правовых категориях» (*Western Sahara, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1975*, p. 18, para. 15) и поэтому представляются вопросами юридического характера для целей статьи 96 Устава и статьи 65 Статута.

26. Тем не менее некоторые участники настоящего разбирательства сочли, что вопрос, поставленный Генеральной Ассамблеей, на самом деле не является юридическим вопросом. Согласно одному представлению, международное право не регулирует акт принятия декларации независимости, который должен рассматриваться как акт политический; только внутреннее конституционное право регулирует акт принятия такой декларации, в то время как юрисдикция Суда выносить консультативное заключение ограничивается вопросами международного права. Однако в данном деле Суд просили вынести заключение не в отношении того, соответствует ли декларация независимости какой-либо норме внутреннего права, а в отношении того, соответствует ли она нормам международного права. Суд может ответить на этот вопрос посредством анализа международного права, и ему нет нужды вторгаться при этом в систему внутреннего права.

27. Кроме того, как Суд неоднократно заявлял, то обстоятельство, что какой-то вопрос имеет политические аспекты, является недостаточным для того, чтобы лишить этот вопрос его характера как юридического вопроса (*Application for Review of Judgement No. 158 of the United Nations Administrative Tribunal, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1973*, p. 172, para. 14). Какими бы ни были его политические аспекты, Суд не может отказываться реагировать на юридические элементы вопроса, в котором ему предлагается выполнить по существу судебную задачу, а именно в данном деле дать оценку акту на основе международного права. Суд также четко указал, что при разрешении юрисдикционной проблемы в отношении того, является ли поставленный перед ним вопрос юридическим вопросом, его не интересует ни политический характер мотивов, которые могли обусловить просьбу, ни политические последствия, которые может иметь его заключение (*Conditions of Admission of a State in Membership of the United Nations (Article 4 of the Charter), Advisory Opinion, 1948, I.C.J. Reports 1947–1948*, p. 61; *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996 (I)*, p. 234, para. 13).

28. Поэтому Суд считает, что он обладает юрисдикцией для вынесения консультативного заключения в ответ на просьбу Генеральной Ассамблеи.

В. Дискреционное право

29. То обстоятельство, что Суд обладает юрисдикцией, не означает, однако, что он обязан ее осуществлять:

«В прошлом Суд неоднократно напоминал, что пункт 1 статьи 65 Статута, который предусматривает, что «Суд *может* давать консультативное заключение...» (выделение добавлено), должен толковаться в том смысле, что Суд имеет дискреционное полномочие воздерживаться от вынесения консультативного заключения, даже если соблюдены условия в отношении юрисдикции» (*Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 156, para. 44).

Дискреционное право в отношении того, отвечать ли на просьбу о вынесении консультативного заключения, существует для того, чтобы оградить целостность судебной функции Суда и его характер как главного судебного органа Организации Объединенных Наций (*Status of Eastern Carelia, Advisory Opinion, 1923, P.C.I.J., Series B, No. 5*, p. 29; *Application for Review of Judgement No. 158 of the United Nations Administrative Tribunal, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1973*, p. 175, para. 24; *Application for Review of Judgement No. 273 of the United Nations Administrative Tribunal, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1982*, p. 334, para. 22; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, pp. 156–157, paras. 44–45).

30. Вместе с тем Суд помнит о том, что его ответ на просьбу о вынесении консультативного заключения «представляет собой его участие в деятельности Организации Объединенных Наций и, в принципе, он не должен отказывать в этом» (*Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania, First Phase, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1950*, p. 71; *Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Rapporteur of the Commission on Human Rights, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1999 (I)*, pp. 78–79, para. 29; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 156, para. 44). Таким образом, в соответствии со сложившейся практикой Суда только «веские основания» могут заставить Суд отказаться от вынесения консультативного заключения в ответ на просьбу, подпадающую под его юрисдикцию (*Judgments of the Administrative Tribunal of the ILO upon complaints made against the Unesco, I.C.J. Reports 1956*, p. 86; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 156, para. 44).

31. Суд обязан убедиться в целесообразности осуществления им своей судебной функции в настоящем деле. В этой связи он тщательно изучил вопрос о том, имеются ли в свете его предшествующей практики веские основания для того, чтобы он отказался отвечать на просьбу Генеральной Ассамблеи.

32. Один аргумент, выдвинутый рядом участников в настоящем разбирательстве, касается мотивов просьбы. Эти участники обратили внимание на заявление единственного автора резолюции, в которой Генеральная Ассамблея запросила заключение Суда, относительно того, что

«консультативное заключение Суда явится нейтральной в политическом отношении, однако авторитетной в судебном отношении директивной для многих стран, все еще пытающихся определить свой подход к одностороннему провозглашению независимости с точки зрения его соответствия нормам международного права.

...

Поддержка этого проекта резолюции также будет способствовать подтверждению ключевого принципа: права любого государства — члена Организации Объединенных Наций обратиться к Суду с простым, основополагающим вопросом, касающимся проблемы, которую он считает чрезвычайно важной. Голосование против него будет фактически означать отказ любой стране — сейчас или в будущем — в праве обращаться в судебные инстанции через посредство системы Организации Объединенных Наций» (A/63/PV.22, стр. 1–2).

По мнению этих участников, данное заявление свидетельствует о том, что заключение Суда запрашивается не для оказания содействия Генеральной Ассамблее, а для обслуживания интересов одного государства и что в этой связи Суд должен воздержаться от ответа.

33. Консультативная юрисдикция представляет собой не одну из форм обращения государств к Суду, а средство, с помощью которого Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности, а также другие органы Организации Объединенных Наций и организации, которым Генеральная Ассамблея прямо разрешила сделать это в соответствии с пунктом 2 статьи 96 Устава, могут получить заключение Суда в целях содействия им в осуществлении их деятельности. Заключение Суда дается не государствам, а тому органу, который его запросил (*Interpretation of Peace Treaties with Bulgaria, Hungary and Romania, First Phase, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1950, p. 71*). Тем не менее именно по этой причине мотивы отдельных государств, которые являются авторами или которые голосуют за принятие резолюции с просьбой о вынесении консультативного заключения, не имеют значения для осуществления Судом его дискреционного права в отношении того, давать ли ответ на просьбу. Как заявил Суд в своем консультативном заключении «Законность угрозы ядерным оружием или его применения»,

«если Ассамблея, приняв соответствующую резолюцию, запросила консультативное заключение по юридическому вопросу, Суд при определении того, существуют ли какие-либо веские основания для того, чтобы он отказался дать такое заключение, не должен принимать во внимание истоки или политическую историю данного запроса, или же распределение голосов в отношении принятой резолюции» (*I.C.J. Reports 1996 (I)*, p. 237, para. 16).

34. Некоторые участники разбирательства отметили также, что резолюция 63/3 не содержит указаний в отношении цели, для которой Генеральной Ассамблее необходимо заключение Суда, и ничто не свидетельствует о том, что это заключение будет иметь полезный правовой эффект. Данный аргумент не может быть принят. Суд неизменно подчеркивает, что не он, а сам орган, который запрашивает заключение, должен определять, нужно ли ему данное заключение для надлежащего выполнения своих функций. В своем консульта-

тивном заключении «Законность угрозы ядерным оружием или его применения» Суд отклонил аргумент, согласно которому он должен отказаться давать ответ на просьбу Генеральной Ассамблеи на том основании, что Генеральная Ассамблея не объяснила Суду, для какой цели она запрашивает заключение, заявив следующее:

«Не дело Суда претендовать на решение вопроса о том, нуждается ли Ассамблея в консультативном заключении для выполнения своих функций или нет. Генеральная Ассамблея имеет право сама принимать решение о целесообразности заключения с учетом своих нужд» (*I.C.J. Reports 1996 (I)*, p. 237, para. 16).

Аналогичным образом, в консультативном заключении «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории» Суд указал, что «он не может подменять своей оценкой целесообразности запрошенного заключения оценку органа, который запрашивает такое заключение, а именно Генеральной Ассамблеи» (*I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 163, para. 62).

35. Суд также не считает, что он должен отказываться отвечать на просьбу Генеральной Ассамблеи на основе высказанных некоторыми участниками разбирательства соображений о том, что его заключение может привести к отрицательным политическим последствиям. Как Суд не может подменять своей оценкой оценку запрашивающего органа в отношении того, является ли его заключение целесообразным для этого органа, он так же не может (особенно в случае, когда нет основы для того, чтобы можно было бы сделать такую оценку) подменять своим собственным мнением оценку того, будет ли заключение иметь отрицательные последствия. Как заявил Суд в своем консультативном заключении «Законность угрозы ядерным оружием или его применения» в ответ на представление о том, что ответ Суда может негативно повлиять на переговоры по разоружению, и с учетом того, что были высказаны противоположные аргументы по этому вопросу, «не существует очевидных критериев, позволяющих ему отдать предпочтение одной оценке по сравнению с другой» (*Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1996 (I)*, p. 237, para. 17; см. также *Western Sahara, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1975*, p. 37, para. 73; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, pp. 159–160, paras. 51–54).

36. Один из важных вопросов, который Суд обязан изучить, заключается в том, должен ли Суд как главный судебный орган Организации Объединенных Наций, с учетом соответствующих функций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи в отношении ситуации в Косово, отказаться отвечать на вопрос, который был перед ним поставлен, на том основании, что просьба о вынесении Судом консультативного заключения поступила от Генеральной Ассамблеи, а не от Совета Безопасности.

37. В течение более 10 лет до поступления рассматриваемой просьбы о вынесении консультативного заключения решения в отношении ситуации в Косово принимал Совет Безопасности в порядке осуществления своей ответственности за поддержание международного мира и безопасности. Впервые Совет принял решение, конкретно касающееся ситуации в Косово, 31 марта 1998 года, приняв резолюцию 1160 (1998). За ней последовали резолюции 1199 (1998), 1203 (1998) и 1239 (1999). 10 июня 1999 года Совет принял резолю-

цию 1244 (1999), которая уполномочила учредить международное военное присутствие (впоследствии известное как «СДК») и международное гражданское присутствие (Миссия Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, «МООНК») и создала рамки для администрации в Косово. В резолюции 1367 (2001) Совет Безопасности постановил прекратить действие запретов на продажу или поставку вооружений, установленных пунктом 8 резолюции 1160 (1998). Совет Безопасности получает периодические доклады от Генерального секретаря о деятельности МООНК. В досье, представленном Генеральным секретарем Суду, зафиксировано, что в период с 2000 по конец 2008 года Совет Безопасности собирался для рассмотрения ситуации в Косово 29 раз. Хотя декларация независимости, являющаяся предметом рассматриваемой просьбы, Советом обсуждалась, Совет не принял по поводу нее никаких решений (Совет Безопасности, предварительный стенографический отчет, 18 февраля 2008 года, 15 ч. 00 м. (S/PV.5839); Совет Безопасности, предварительный стенографический отчет, 11 марта 2008 года, 15 ч. 00 м. (S/PV.5850)).

38. Генеральная Ассамблея также принимала резолюции по поводу ситуации в Косово. До принятия Советом Безопасности резолюции 1244 (1999) Генеральная Ассамблея приняла пять резолюций о положении в области прав человека в Косово (резолюции 49/204, 50/190, 51/111, 52/139 и 53/164). После резолюции 1244 (1999) Генеральная Ассамблея приняла еще одну резолюцию о положении в области прав человека в Косово (резолюция 54/183 от 17 декабря 1999 года) и 15 резолюций о финансировании МООНК (резолюции 53/241, 54/245А, 54/245В, 55/227А, 55/227В, 55/295, 57/326, 58/305, 59/286А, 59/286В, 60/275, 61/285, 62/262, 63/295 и 64/279). Однако положение в Косово в более широком смысле на момент принятия декларации независимости не было включено в повестку дня Генеральной Ассамблеи, и поэтому в сентябре 2008 года в повестку дня необходимо было включить новый пункт для рассмотрения предложения относительно просьбы о вынесении Судом заключения.

39. В свете вышеизложенного было указано, что с учетом соответствующих полномочий Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, в случае просьбы о вынесении заключения Суда по поводу того, соответствует ли декларация независимости нормам международного права, такая просьба должна исходить, скорее, от Совета Безопасности и что это обстоятельство является веским основанием для того, чтобы Суд не отвечал на просьбу, исходящую от Генеральной Ассамблеи. Такой вывод, как было заявлено, обусловлен как характером участия Совета Безопасности в решении этого вопросе, так и тем, что для ответа на поставленный вопрос Суду неизбежно придется толковать и применять резолюцию 1244 (1999) Совета Безопасности, с тем чтобы определить, соответствует ли декларация независимости нормам международного права.

40. Хотя представленная Суду просьба касается одного аспекта ситуации, которую Совет Безопасности характеризует как угрозу для международного мира и безопасности и которая по-прежнему стоит в повестке дня Совета в этом его качестве, это не означает, что Генеральная Ассамблея не имеет законного интереса в данном вопросе. Статьи 10 и 11 Устава, на которые Суд уже ссылался, возлагают на Генеральную Ассамблею весьма широкое полномочие для обсуждения вопросов, входящих в сферу деятельности Организации Объ-

диненных Наций, в том числе вопросов, касающихся международного мира и безопасности. Это полномочие не ограничивается ответственностью за поддержание международного мира и безопасности, которая в силу пункта 1 статьи 24 возложена на Совет Безопасности. Как Суд указал в своем консультативном заключении «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории», пункт 26, «статья 24 касается главной, но не обязательно исключительной компетенции». То обстоятельство, что ситуация в Косово рассматривается Советом Безопасности и что в отношении этой ситуации Совет осуществляет свои полномочия согласно главе VII, не препятствует тому, чтобы Генеральная Ассамблея обсуждала любые аспекты этой ситуации, включая декларацию независимости. Ограничение, которое Устав устанавливает в отношении Генеральной Ассамблеи с тем, чтобы оградить роль Совета Безопасности, содержится в статье 12 и ограничивает полномочие Генеральной Ассамблеи выносить рекомендации после обсуждения, а не ее полномочие проводить такое обсуждение.

41. Кроме того, статья 12 не препятствует принятию Генеральной Ассамблеей любых решений в отношении угроз международному миру и безопасности, которые находятся на рассмотрении Совета Безопасности. Суд довольно подробно проанализировал этот вопрос в пунктах 26 и 27 своего консультативного заключения «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории», где он отметил, что со временем стала более активно проявляться тенденция, в соответствии с которой Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности одновременно рассматривают один и тот же вопрос, касающийся поддержания международного мира и безопасности, и указал, что Совет Безопасности чаще занимается аспектами, которые касаются международного мира и безопасности, а Генеральная Ассамблея рассматривает вопрос более широко, затрагивая также гуманитарные, социальные и экономические аспекты.

42. Рассмотрение Судом этой проблемы в консультативном заключении «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории» производилось в связи с изучением того, обладает ли Суд юрисдикцией для вынесения консультативного заключения, а не того, следует ли ему использовать свое дискреционное право не давать заключения. В настоящем деле Суд уже решил, что статья 12 Устава не лишает его юрисдикции, возложенной на него пунктом 1 статьи 96 (пункты 23 и 24 выше). Однако он полагает, что к проблеме использования дискреционного права в данном деле также имеет отношение анализ, содержащийся в консультативном заключении 2004 года. Как показывает этот анализ, то обстоятельство, что какой-либо вопрос входит в сферу главной ответственности Совета Безопасности применительно к ситуациям, которые могут влиять на поддержание международного мира и безопасности, и что Совет осуществляет свои полномочия в этом отношении, не препятствует тому, чтобы Генеральная Ассамблея обсуждала эту же ситуацию или, в пределах, установленных статьей 12, выносила по ней рекомендации. Кроме того, как указал Суд в своем консультативном заключении 2004 года, резолюция 377A (V) Генеральной Ассамблеи («Единство в пользу мира») предусматривает вынесение Генеральной Ассамблеей рекомендаций относительно коллективных мер по восстановлению международного мира и безопасности во всех случаях, когда имеются основания усматривать угрозу миру, нарушения мира или акт агрессии, и Совет Безопасности оказывается не

в состоянии действовать ввиду разногласия постоянных членов (*Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 150, para. 30). Эти соображения имеют отношение к вопросу о том, представляет ли собой разграничение полномочий Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи веское основание для того, чтобы Суд отказался отвечать на просьбу Генеральной Ассамблеи о вынесении заключения в настоящем деле.

43. Разумеется, факты настоящего дела значительно отличаются от фактов, лежащих в основе консультативного заключения «Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории». Положение на оккупированной палестинской территории активно рассматривалось Генеральной Ассамблеей в течение нескольких десятилетий, прежде чем она приняла решение просить Суд вынести заключение, и Генеральная Ассамблея обсуждала именно тот самый предмет, по которому было запрошено заключение Суда. В настоящем деле применительно к ситуации в Косово этим вопросом активно занимался Совет Безопасности. В этом контексте он обсуждал будущий статус Косово и декларацию независимости (см. пункт 37 выше).

44. Однако цель консультативной юрисдикции заключается в том, чтобы дать возможность органам Организации Объединенных Наций и другим уполномоченным учреждениям получать заключения Суда, которые в будущем помогут им в осуществлении их функций. Суд не может определять, какие шаги Генеральная Ассамблея может пожелать предпринять после получения заключения Суда или какие последствия это заключение может иметь применительно к этим шагам. Как показано в предшествующих пунктах, Генеральная Ассамблея правомочно обсуждала декларацию независимости и, в пределах, о которых говорится в пункте 42 выше, выносить рекомендации в отношении этого или других аспектов ситуации в Косово, не вторгаясь в полномочия Совета Безопасности. С учетом вышеизложенного, то обстоятельство, что до настоящего времени декларация независимости обсуждалась только в Совете Безопасности и именно Совет принимал решения в отношении ситуации в Косово, не является веским основанием для того, чтобы Суд отказывался отвечать на просьбу Генеральной Ассамблеи.

45. Кроме того, хотя определяющим фактором для ответа на это возражение в отношении вынесения Судом заключения является объем будущего обсуждения и решений, Суд отмечает также, что и Генеральная Ассамблея в прошлом принимала решения в отношении ситуации в Косово. Как указывается в пункте 38 выше, в период 1995–1999 годов Генеральная Ассамблея приняла шесть резолюций, касавшихся положения в области прав человека в Косово. Последняя из них — резолюция 54/183 — была принята 17 декабря 1999 года, т. е. через шесть месяцев после принятия Советом Безопасности резолюции 1244 (1999). Хотя эта резолюция была посвящена правам человека и гуманитарным вопросам, в ней также (в пункте 7) отмечалась озабоченность Генеральной Ассамблеи в связи с возможной «кантонизацией» Косово. Кроме того, с 1999 года Генеральная Ассамблея ежегодно утверждала в соответствии с пунктом 1 статьи 17 Устава бюджет МООНК (см. пункт 38 выше). В этой связи Суд отмечает, что Генеральная Ассамблея осуществляла свои собственные функции в отношении ситуации в Косово.

46. Далее, по мнению Суда, то обстоятельство, что ему неизбежно придется толковать и применять положения резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности в ходе ответа на вопрос, поставленный Генеральной Ассамблеей, не представляет собой веское основание для того, чтобы не отвечать на этот вопрос. Хотя толкование и применение решения одного из политических органов Организации Объединенных Наций является в первую очередь обязанностью органа, который принял это решение, Суду, являющемуся главным судебным органом Организации Объединенных Наций, также часто приходится изучать толкование и юридические последствия таких решений. Он делает это как в порядке осуществления своей консультативной юрисдикции (см., например, *Certain Expenses of the United Nations, (Article 17, paragraph 2, of the Charter), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1962*, p. 175; *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971*, pp. 51–54, paras. 107–116), так и в порядке осуществления своей юрисдикции в отношении споров (см., например, *Questions of the Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United Kingdom), Provisional Measures, Order of 14 April 1992, I.C.J. Reports 1992*, p. 15, paras. 39–41; *Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United States of America), Provisional Measures, Order of 14 April 1992, I.C.J. Reports 1992*, pp. 126–127, paras. 42–44).

47. Поэтому выполнение Судом такой задачи не является несовместимым с целостностью его судебной функции. Вопрос же заключается в том, следует ли ему отказаться выполнять такую задачу, если только его об этом не попросит орган, который принял решение. Однако в своем консультативном заключении «Некоторые расходы Организации Объединенных Наций» Суд ответил на вопрос, поставленный Генеральной Ассамблеей, хотя при том он неизбежно должен был давать толкование ряду резолюций Совета Безопасности (в частности резолюциям 143, 145 и 146 1960 года и 161 и 169 1961 года) (*Certain Expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2, of the Charter), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1962*, pp. 175–177). Суд отмечает также, что в своем консультативном заключении «Условия приема государства в члены Организации Объединенных Наций (статья 4 Устава)» (*I.C.J. Reports 1947–1948*, pp. 61–62) он отреагировал на просьбу Генеральной Ассамблеи, хотя эта просьба касалась заявлений, сделанных на заседании Совета Безопасности, и поэтому, как было указано, Суд должен осуществить свое дискреционное право и отказаться отвечать (*Conditions of Admission of a State in the United Nations (Article 4 of the Charter), Pleadings, Oral Arguments, Documents*, p. 90). Когда же, как в данном случае, Генеральная Ассамблея имеет законный интерес в ответе на какой-либо вопрос, то то обстоятельство, что ответ может отчасти затрагивать решение Совета Безопасности, не является достаточным для обоснования Судом отказа выносить свое заключение Генеральной Ассамблее.

48. В этой связи Суд полагает, что у него нет веских оснований для отказа в осуществлении своей юрисдикции в отношении рассматриваемой просьбы.

II. Объем и смысл вопроса

49. Теперь Суд переходит к рассмотрению объема и смысла вопроса, по которому Генеральная Ассамблея просит его дать заключение. Генеральная Ассамблея сформулировала этот вопрос следующим образом:

«Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права?».

50. Суд напоминает, что в ряде предыдущих случаев он отступал от формулировки поставленного перед ним вопроса, когда вопрос был сформулирован неадекватно (см., например, *Interpretation of the Greco-Turkish Agreement of 1 December 1926 (Final Protocol, Article IV), Advisory Opinion, 1928, P.C.I.J.6 Series B, No. 16*) или когда Суд определял на основе изучения истории просьбы, что просьба не отражает «юридические вопросы, о которых действительно идет речь» (*Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1980*, p. 89, para. 35). Аналогичным образом, когда заданный вопрос был нечеток или двусмыслен, Суд, прежде чем выносить заключение, его уточнял (*Application for Review of Judgment No. 273 of the United Nations Administrative Tribunal, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1982*, p. 248, para. 46).

51. В настоящем деле вопрос, поставленный Генеральной Ассамблеей, сформулирован четко. Он узок и конкретен; в нем запрашивается заключение Суда относительно того, соответствует ли декларация независимости нормам международного права. В нем не спрашивается о юридических последствиях этой декларации. В частности, в нем не спрашивается, достигло ли Косово государственности. В нем также не спрашивается о действительности или юридических последствиях признания Косово теми государствами, которые признали его в качестве независимого государства. Суд отмечает, что в предшествующих просьбах о вынесении консультативных заключений, когда Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности хотели получить заключение Суда о юридических последствиях какого-либо решения, они формулировали вопрос так, чтобы этот аспект был прямо изложен (см., например, *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971*, p. 16; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, p. 136). В этой связи Суд не считает, что для ответа на вопрос, поставленный Генеральной Ассамблеей, необходимо рассматривать такие проблемы, как привела ли декларация к созданию государства или каков статус актов о признании. Поэтому Суд не видит причин для того, чтобы изменять объем этого вопроса.

52. Между тем есть два аспекта этого вопроса, которые нуждаются в комментариях. Во-первых, в тексте вопроса говорится об «одностороннем провозглашении независимости временными институтами самоуправления Косово» (резолюция 63/3 Генеральной Ассамблеи от 8 октября 2008 года, единственный пункт постановляющей части; выделение добавлено). Кроме того, в третьем пункте преамбулы этой резолюции Генеральная Ассамблея напоминает, что «17 февраля 2008 года временные институты самоуправления Косово провозгласили независимость от Сербии». Вопрос о том, действительно ли

именно временные институты самоуправления Косово промульгировали декларацию независимости, оспаривается целым рядом участников настоящего разбирательства. Личность авторов декларации независимости, как показано ниже (пункты 102–109), является тем аспектом, который может повлиять на ответ на вопрос о том, соответствует ли эта декларация нормам международного права. Если бы Суд исходил из того, что этот аспект был определен Генеральной Ассамблеей, это оказалось бы несовместимым с надлежащим осуществлением судебной функции.

53. Суд также не считает, что Генеральная Ассамблея намеревалась ограничивать свободу Суда самому определиться по этому аспекту. Суд отмечает, что в пункте повестки дня, по которому обсуждалось то, что выразилось в резолюции 63/3, не говорится о личности авторов декларации, он просто называется «Просьба о вынесении Международным Судом консультативного заключения относительно того, соответствует ли провозглашение независимости *Косово* нормам международного права» (резолюция 63/3 Генеральной Ассамблеи от 8 октября 2008 года; выделение добавлено). Формулировка этого пункта повестки дня была предложена Республикой Сербия — единственным автором резолюции 63/3, когда она попросила включить в повестку дня шестьдесят третьей сессии Генеральной Ассамблеи дополнительный пункт (письмо Постоянного представителя Сербии при Организации Объединенных Наций от 22 августа 2008 года на имя Генерального секретаря, A/63/195). Этот пункт повестки дня стал впоследствии названием проекта резолюции, а затем и резолюции 63/3. Общим элементом пункта повестки дня и названия самой резолюции является то, соответствует ли декларация независимости нормам международного права. Кроме того, в ходе обсуждения проекта резолюции не затрагивался вопрос ни о личности авторов декларации, ни о расхождении между названием резолюции и формулировкой вопроса, который был в ней задан Суду (A/63/PV.22).

54. Как заявил Суд в другом контексте:

«Не следует думать, что Генеральная Ассамблея... будет пытаться препятствовать или мешать Суду в выполнении им своих судебных функций; Суд должен иметь полную свободу действий при рассмотрении всех соответствующих имеющихся у него данных для формирования своего заключения по вопросу, поставленному перед ним в просьбе о вынесении консультативного заключения» (*Certain Expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2, the Charter), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1962*, p. 157).

Это соображение применимо и к настоящему делу. При оценке того, соответствует ли декларация независимости нормам международного права, Суд должен быть свободен в рассмотрении всех материалов и принятии для себя решения о том, была эта декларация промульгирована временными институтами самоуправления или же каким-то другим органом.

55. Хотя многие участники настоящего разбирательства ссылались на заключение Верховного суда Канады по делу об обращении генерал-губернатора по поводу некоторых вопросов, касающихся отделения Квебека от Канады (*Reference of the Governor-General concerning Certain Questions relating to the Secession of Quebec from Canada* ([1998] 2 S.C.R. 217; 161 D.L.R. (4th) 385;

115 *Int. Law Reps.* 536), Суд отмечает, что вопрос в настоящем деле значительно отличается от вопроса, поставленного перед Верховным судом Канады.

В том случае вопрос звучал следующим образом:

«Предоставляет ли международное право Национальной ассамблее, законодательному органу или правительству Квебека право осуществить отделение Квебека от Канады в одностороннем порядке? В этой связи существует ли в международном праве право на самоопределение, которое наделяло бы Национальную ассамблею, законодательный орган или правительство Квебека правом осуществить отделение Квебека от Канады в одностороннем порядке?».

56. Вопрос, поставленный перед Верховным судом Канады, заключался в том, существует ли право «осуществить отделение» и существует ли норма международного права, которая наделяет любой из перечисленных органов позитивным правомочием. В отличие от этого Генеральная Ассамблея задала вопрос о том, «соответствует ли» провозглашение независимости нормам международного права. Ответ на этот вопрос связан с тем, запрещает ли применимое международное право провозглашение независимости. Если Суд придет к выводу, что запрещает, тогда в качестве ответа на поставленный вопрос он должен заявить, что декларация независимости не соответствовала нормам международного права. Отсюда следует, что задача, которую призван выполнить Суд, заключается в определении того, была ли декларация независимости принята в нарушение норм международного права. Поставленный перед Судом вопрос не требует, чтобы Суд занимал позицию по вопросу о том, наделяет ли международное право Косово позитивным правом в одностороннем порядке провозглашать свою независимость, ни тем более о том, наделяет ли международное право в целом органы, находящиеся внутри какого-либо государства, правомочием в одностороннем порядке отделиться от этого государства. Ведь вполне возможна ситуация, когда какой-либо конкретный акт, например односторонняя декларация независимости, не является нарушением международного права, не обязательно представляя собой при этом реализацию правомочия, предоставляемого международным правом. Суд просят дать заключение по первому моменту, а не по второму.

III. Фактическая сторона

57. Декларация независимости от 17 февраля 2008 года должна рассматриваться в фактическом контексте, который привел к ее принятию. Поэтому Суд вкратце опишет соответствующие характеристики рамок, установленных Советом Безопасности для обеспечения внутренней администрации в Косово, а именно резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности и распоряжений, промульгируемых на ее основании Миссией Организации Объединенных Наций в Косово. После этого Суд перейдет к сжатому описанию событий, связанных с так называемым «процессом определения окончательного статуса» в годы, предшествовавшие принятию декларации независимости, а оттуда — к событиям 17 февраля 2008 года.

А. Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности и соответствующие распоряжения МООНК

58. Резолюция 1244 (1999) была принята Советом Безопасности, который действовал при этом на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций, 10 июня 1999 года. В этой резолюции Совет Безопасности, «будучи преисполнен решимости урегулировать серьезную гуманитарную ситуацию», которую он обозначил (см. четвертый пункт преамбулы), и положить конец вооруженному конфликту в Косово, уполномочил Генерального секретаря Организации Объединенных Наций сформировать международное гражданское присутствие в Косово в целях создания «временной администрации для Косово... [которая] будет обеспечивать переходную администрацию, одновременно создавая и контролируя развитие временных демократических органов самоуправления» (пункт 10).

Пункт 3 требовал, «в частности, чтобы Союзная Республика Югославия немедленно и поддающимся контролю образом прекратила насилие и репрессии в Косово и начала и завершила поддающийся контролю поэтапный вывод из Косово всех военных, полицейских и военизированных сил согласно ускоренному графику». В пункте 5 резолюции Совет Безопасности постановил развернуть в Косово под эгидой Организации Объединенных Наций международное гражданское присутствие и присутствие по безопасности и приветствовал согласие Союзной Республики Югославия на такие присутствия. Полномочия и обязанности присутствия по безопасности дополнительно уточнялись в пунктах 7 и 9. Пункт 15 резолюции 1244 (1999) требовал, чтобы Освободительная армия Косово (ОАК) и другие вооруженные группы косовских албанцев немедленно прекратили все наступательные действия и выполнили требования в отношении демилитаризации. Непосредственно перед принятием резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности уже были предприняты различные имплементационные шаги, которые выразились в серии мер, включавшей, в частности, меры, оговоренные в Военно-техническом соглашении от 9 июня 1999 года, статья I.2 которого предусматривала развертывание СДК и разрешала им «действовать в Косово беспрепятственно и с полномочиями принимать все необходимые меры с целью установления и поддержания безопасной обстановки для всех граждан Косово и иным образом осуществлять свою миссию». Военно-техническое соглашение также предусматривало вывод наземных и военно-воздушных сил СРЮ, за исключением «согласованного числа югославского и сербского военного и полицейского персонала», упомянутого в пункте 4 резолюции 1244 (1999).

59. В пункте 11 резолюции были следующим образом описаны основные обязанности международного гражданского присутствия в Косово:

«а) содействие установлению, до окончательного урегулирования, существенной автономии и самоуправления в Косово, принимая в полной мере во внимание приложение 2 и соглашения Рамбуйе (S/1999/648);

б) осуществление основных гражданских административных функций [, где] и пока это необходимо;

с) организация и контроль за развитием временных институтов демократического и автономного самоуправления до достижения политического урегулирования, включая проведение выборов;

d) передача, по мере создания этих институтов, своей административной ответственности при осуществлении контроля за укреплением местных временных органов в Косово и других мероприятий в области миростроительства и оказании им поддержки;

e) содействие политическому процессу, призванному определить будущий статус Косово, принимая во внимание соглашения Рамбуйе (S/1999/648);

f) на заключительном этапе — контроль за передачей полномочий от временных органов Косово к органам, учрежденным в рамках политического урегулирования...».

60. Руководствуясь пунктом 10 резолюции 1244 (1999), Генеральный секретарь представил Совету Безопасности 12 июня 1999 года «предварительную оперативную концепцию общей организации гражданского присутствия», которой предстояло именоваться Миссией Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово (МООНК) и которую должен был возглавить Специальный представитель Генерального секретаря, назначаемый Генеральным секретарем в консультации с Советом Безопасности (доклад Генерального секретаря от 12 июня 1999 года (документ Организации Объединенных Наций S/1999/672, 12 июня 1999 года). В докладе Генерального секретаря предусматривалось, что в МООНК будет работать четыре заместителя Специального представителя, каждый из которых станет отвечать за один из четырех крупных компонентов (так называемые «четыре опоры») режима МООНК (пункт 5): а) временную гражданскую администрацию (здесь ведущая роль отводилась Организации Объединенных Наций), б) гуманитарные вопросы (ведущая роль — Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ)), с) институциональное развитие (ведущая роль — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)) и d) восстановление (ведущая роль — Европейский союз).

61. 25 июля 1999 года первый Специальный представитель Генерального секретаря промульгировал распоряжение 1999/1 МООНК, в разделе 1.1 которого предусматривалось, что «все законодательные и исполнительные функции в отношении Косово, включая функции по отправлению правосудия» возлагаются на МООНК и «осуществляются Специальным представителем Генерального секретаря». Согласно разделу 3 распоряжения 1999/1 МООНК, применявшиеся на территории Косово до 24 марта 1999 года законы должны были продолжать действовать, если они не противоречили международно признанным стандартам в области прав человека и принципу недискриминации или же выполнению мандата, возложенного на МООНК на основании резолюции 1244 (1999). Раздел 3 был отменен распоряжением 1999/25 МООНК, которое было промульгировано Специальным представителем Генерального секретаря 12 декабря 1999 года и вводилось в действие ретроактивно, с 10 июня 1999 года. В разделе 1.1 распоряжения 1999/24 МООНК от 12 декабря 1999 года предусматривается, что «применимым правом в Косово являются: а) распоряжения, объявленные Специальным представителем Генерального секретаря, и изданные на их основе подзаконные акты и б) право, действовавшее в Косово по состоянию на 22 марта 1989 года». Раздел 4, озаглавленный «Переходное положение», гласит:

«Все правовые акты, включая судебные решения, и правовые последствия событий, имевших место в период с 10 июня 1999 года до даты настоящего распоряжения, в соответствии с действовавшими в этот период правовыми нормами согласно разделу 3 распоряжения № 1999/1 [МООНК] от 25 июля 1999 года сохраняют свою действительность постольку, поскольку они не противоречат стандартам, о которых говорится в разделе 1 настоящего распоряжения, или любым распоряжениям [МООНК], действовавшим в то время, когда такие акты имели место».

62. Полномочия и обязанности, сформулированные тем самым в резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности, были подробнее расписаны в распоряжении 2001/9 МООНК от 15 мая 2001 года о Конституционных рамках для временного самоуправления (далее — «Конституционные рамки»), где определялись обязанности, относимые в связи с администрацией в Косово к Специальному представителю Генерального секретаря и к временным институтам самоуправления Косово. Применительно к роли, поручаемой Специальному представителю Генерального секретаря, глава 12 Конституционных рамок гласит:

«Осуществление функций временных институтов самоуправления согласно настоящим Конституционным рамкам не затрагивает и не уменьшает полномочия СПГС по обеспечению полного осуществления резолюции 1244 (1999) СБ ООН, включая надзор за деятельностью временных институтов самоуправления, его должностных лиц и его ведомств и принятие надлежащих мер в случае, когда их решения не согласуются с резолюцией 1244 (1999) СБ ООН или настоящими Конституционными рамками».

Кроме того, согласно главе 2(а), «временные институты самоуправления и их должностные лица должны... осуществлять свои полномочия согласно положениям резолюции 1244 (1999) СБ ООН и условиям, изложенным в настоящих Конституционных рамках». В девятом же пункте преамбулы Конституционных рамок говорится, что «осуществление полномочий временными институтами самоуправления в Косово никоим образом не затрагивает и не уменьшает полномочия СПГС в отношении осуществления резолюции 1244 (1999) СБ ООН». В своем периодическом докладе Совету Безопасности от 7 июня 2001 года Генеральный секретарь заявил, что Конституционные рамки предусматривают

«предоставление моему Специальному представителю широких полномочий на вмешательство и исправление любых актов временных учреждений самоуправления, которые расходятся с положениями резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности, включая, в случае необходимости, применение права вето в отношении принимаемых [Скупщиной] законов» (доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, S/2001/565, 7 июня 2001 года).

63. Описав рамки, установленные Советом Безопасности для обеспечения внутренней администрации на территории Косово, Суд переходит теперь к соответствующим событиям в процессе определения окончательного статуса, которые предшествовали декларации независимости от 17 февраля 2008 года.

В. Соответствующие события в процессе определения окончательного статуса, происшедшие до 17 февраля 2008 года

64. В июне 2005 года Генеральный секретарь назначил Кая Эйде, Постоянного представителя Норвегии при Организации Североатлантического договора, своим Специальным посланником по проведению всеобъемлющего обзора положения в Косово. После того как тот представил Генеральному секретарю доклад со всеобъемлющим обзором (прилагается к документу Организации Объединенных Наций S/2005/635 (7 октября 2005 года)), в Совете Безопасности имел место консенсус в отношении того, что процесс определения окончательного статуса следует начать:

«Совет Безопасности согласен с общей оценкой посла Эйде о том, что, несмотря на проблемы, с которыми по-прежнему сталкиваются Косово и этот регион, настало время переходить к следующему этапу политического процесса. Поэтому Совет поддерживает намерение Генерального секретаря начать политический процесс для определения будущего статуса Косово, как это предусмотрено в резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности» (заявление Председателя Совета Безопасности от 24 октября 2005 года, S/PRST/2005/51).

65. В ноябре 2005 года Генеральный секретарь назначил г-на Мартти Ахтисаари, бывшего Президента Финляндии, своим Специальным посланником по процессу определения будущего статуса Косово. Это назначение было одобрено Советом Безопасности (см. письмо Председателя Совета Безопасности от 10 ноября 2005 года на имя Генерального секретаря, S/2005/709). В приложении к письму о назначении г-на Ахтисаари содержался документ под названием «Круг ведения», где говорилось, что Специальный посланник будет, как ожидается, «сверяться с Генеральным секретарем на всех этапах процесса». Кроме того, «темп и продолжительность процесса определения будущего статуса будут устанавливаться Специальным посланником на основе консультаций с Генеральным секретарем с учетом сотрудничества сторон и складывающейся на месте обстановки» (датированный 10 ноября 2005 года круг ведения, приобщенный к письму Генерального секретаря г-ну Мартти Ахтисаари от 14 ноября 2005 года, досье Организации Объединенных Наций № 198).

66. Совет Безопасности не прокомментировал названный круг ведения. Вместо этого члены Совета приложили к документу об одобрении ими назначения г-на Ахтисаари Руководящие принципы Контактной группы (неофициальная группировка государств, образованная в 1994 году с задачей заниматься ситуацией на Балканах и состоящая из Германии, Италии, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции). Члены Совета Безопасности указали также, что Руководящие принципы предназначаются для «сведения» Генерального секретаря (а значит, и Специального посланника). В этих Принципах было, в частности, заявлено:

«Контактная группа... приветствует намерение Генерального секретаря назначить Специального посланника для руководства этим процессом...

Урегулирование этого вопроса на основе переговоров должно стать международным приоритетом. После начала процесса его уже нельзя будет заблокировать, и его необходимо довести до конца. Контактная группа призывает стороны добросовестно и конструктивно включиться в этот процесс, воздерживаться от односторонних шагов и отвергать насилие в любой форме.

...

Совет Безопасности будет по-прежнему активно заниматься этим вопросом. Окончательное решение о статусе Косово должно быть одобрено Советом Безопасности» (Руководящие принципы Контактной группы по урегулированию статуса Косово, приложенные к письму Председателя Совета Безопасности от 10 ноября 2005 года на имя Генерального секретаря, S/2005/709).

67. С 20 февраля 2006 года по 8 сентября 2006 года было проведено несколько раундов переговоров, на которых делегации Сербии и Косово разбирали такие моменты, как децентрализация государственных и административных функций Косово, культурное наследие и религиозные объекты, экономические вопросы, а также права сообществ (доклады Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, S/2006/361, S/2006/707 и S/2006/906). В докладах Генерального секретаря указывалось, что по большинству вопросов стороны «по-прежнему существенно расходятся» (доклады Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, S/2006/707, S/2006/906).

68. 2 февраля 2007 года Специальный посланник Генерального секретаря представил сторонам проект всеобъемлющего предложения об урегулировании статуса Косово и призвал их приступить к осуществлению консультативного процесса (упоминается в докладе Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, S/2007/134, 9 марта 2007 года). 10 марта 2007 года в Вене состоялся окончательный раунд переговоров для обсуждения предложения об урегулировании. Как сообщил Генеральный секретарь, на этих переговорах «стороны не сумели добиться какого-либо дополнительного прогресса» (доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, S/2007/395, 29 июня 2007 года, стр. 1).

69. 26 марта 2007 года Генеральный секретарь представил Совету Безопасности доклад своего Специального посланника. Специальный посланник заявил, что «после продолжавшихся более года прямых переговоров, двусторонних переговоров и консультаций на уровне экспертов [ему] стало ясно, что стороны не готовы к достижению соглашения о будущем статусе Косово» (письмо Генерального секретаря от 26 марта 2007 года на имя Председателя Совета Безопасности, к которому прилагается доклад Специального посланника Генерального секретаря по определению будущего статуса Косово, S/2007/168, 26 марта 2007 года). Подчеркнув, что его

«мандат непосредственно предусматривает, что [он] должен определять темпы и продолжительность процесса определения будущего статуса на основе консультаций с Генеральным секретарем и с учетом сотрудничества сторон и обстановки на месте» (там же, пункт 3),

Специальный посланник заключил:

«Я твердо убежден в том, что потенциал переговоров с перспективой достижения какого-либо взаимоприемлемого результата в отношении статуса Косово исчерпан. Никакие дополнительные переговоры, каким бы ни был их формат, не позволят выйти из этого тупика.

...

Пришло время урегулировать статус Косово. После внимательного изучения современной истории Косово, сегодняшних реалий Косово и с учетом переговоров со сторонами я пришел к выводу, что единственным жизнеспособным вариантом для Косово является независимость под надзором — в течение первоначального периода — международного сообщества» (там же, пункты 3 и 5).

70. Выводы Специального посланника сопровождалось его окончательно оформленным Всеобъемлющим предложением об урегулировании статуса Косово (S/2007/168/Add.1, 26 марта 2007 года), в котором, по его словам, были предусмотрены «международные надзорные структуры [и обеспечивался] фундамент для будущего независимого Косово» (S/2007/168, 26 марта 2007 года, пункт 5). Во Всеобъемлющем предложении предусматривалось немедленное учреждение Конституционной комиссии с целью подготовки проекта Конституции для Косово (S/2007/168/Add.1, 26 марта 2007 года, статья 10.1), устанавливались критерии, определяющие членский состав этой Комиссии (там же, статья 10.2), вводились многочисленные требования в отношении принципов и положений, которые должны войти в эту Конституцию (там же, статья 1.3 и приложение I), и предписывалось, что Скупщина Косово должна будет одобрить Конституцию двумя третями голосов в 120-дневный срок (там же, статья 10.4). Кроме того, в предложении предусматривалось, что по окончании 120-дневного переходного периода мандат МООНК истечет, после чего «все законодательные и исполнительные полномочия, возложенные на МООНК, будут переданы в совокупности органам управления Косово, если в настоящем Плане урегулирования не предусмотрено иное» (там же, статья 15.1). Устанавливалось, что не позднее чем через девять месяцев после вступления в силу Конституции должны быть проведены всеобщие и муниципальные выборы (там же, статья 11.1). Суд отмечает далее, что Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово предусматривало назначение Международного гражданского представителя (МГП), которому предстояло стать в Косово высшей инстанцией в толковании Плана урегулирования (там же, статья 12). Во Всеобъемлющем предложении уточнялось также, что «не позднее чем через два года после вступления в силу... Плана урегулирования» должен состояться обзор полномочий МГП, «с тем чтобы постепенно сократить круг полномочий МГП и уменьшить активность его/ее деятельности» (там же, приложение IX, статья 5.1), и что

«действие мандата МГП будет прекращено, когда Международная руководящая группа [орган в составе Германии, Италии, Российской Федерации, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, Франции, Европейского союза, Европейской комиссии и НАТО] определит, что Косово выполнило положения... Плана урегулирования» (там же, статья 5.2).

71. Генеральный секретарь «всцело [поддержал] рекомендацию [своего] Специального посланника, содержащуюся в его докладе о будущем статусе Косово, и Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово» (письмо Генерального секретаря от 26 марта 2007 года на имя Председателя Совета Безопасности, S/2007/168). В свою очередь, Совет Безопасности постановил организовать миссию в Косово (доклад миссии Совета Безопасности по косовскому вопросу, S/2007/256, 4 мая 2007 года), но не сумел прийти к решению относительно окончательного статуса Косово. Среди членов Совета был распространен проект резолюции (см. проект резолюции, в соавторстве представленный Бельгией, Германией, Италией, Соединенным Королевством, Соединенными Штатами и Францией, S/2007/437 с грифом «Provisional», 17 июля 2007 года), но спустя несколько недель, когда стало ясно, что он не будет принят Советом Безопасности, этот проект был отозван.

72. С 9 августа по 3 декабря 2007 года под эгидой «тройки», состоявшей из представителей Европейского Союза, Российской Федерации и Соединенных Штатов, проводились дальнейшие переговоры о будущем статусе Косово. «Тройка» представила 4 декабря 2007 года Генеральному секретарю свой доклад, где делался вывод о том, что, несмотря на интенсивные переговоры, «сторонам не удалось достичь соглашения относительно статуса Косово» и «ни одна из сторон не захотела пойти на уступки по основополагающему вопросу, касающемуся суверенитета» (доклад «тройки» представителей Европейского союза/Соединенных Штатов/Российской Федерации по Косово, 4 декабря 2007 года, добавление к S/2007/723).

73. 17 ноября 2007 года были проведены выборы в Скупщину Косово и 30 общинных скупщин и выборы на должность мэра в этих общинах (доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, S/2007/768). Скупщина Косово провела свою первую сессию 4 и 9 января 2008 года (доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, S/2008/211).

С. События 17 февраля 2008 года и более позднего времени

74. Такова предыстория декларации независимости, которая была принята 17 февраля 2008 года. Суд отмечает, что подлинник декларации составлен на албанском языке. Для целей настоящего заключения Суд, цитируя текст декларации, пользовался переводами на английский и французский языки, включенными в досье, которое было представлено от имени Генерального секретаря.

В соответствующих пассажах декларации независимости говорится, что ее авторы собрались «на внеочередное заседание 17 февраля 2008 года в Приштине, столице Косово» (первый пункт преамбулы), упоминаются «годы международно спонсированных переговоров между Белградом и Приштиной по

вопросу о будущем политическом статусе» Косово и высказывается сожаление по поводу того, что «взаимоприемлемое статусное решение оказалось невозможным» (десятый и одиннадцатый пункты преамбулы). В ней также заявлено о решимости авторов «увидеть статус [Косово] урегулированным, чтобы [его] народ приобрел ясность в отношении своего будущего, чтобы конфликты прошлого остались позади и чтобы был реализован весь демократический потенциал [его] общества» (тринадцатый пункт преамбулы).

75. В постановляющей части декларации независимости от 17 февраля 2008 года говорится:

«1. Мы, демократически избранные руководители нашего народа, настоящим провозглашаем Косово независимым и суверенным государством. Эта декларация отражает волю нашего народа и полностью согласуется с рекомендациями Специального посланника ООН Мартти Ахтисаари и его Всеобъемлющим предложением об урегулировании статуса Косово.

2. Мы провозглашаем Косово демократической, светской и многоэтнической республикой, ведомой принципами недискриминации и равной защиты по закону. Мы будем защищать и поощрять права всех сообществ в Косово и создавать необходимые условия для их эффективного участия в политическом процессе и процессе принятия решений.

...

5. Мы приветствуем неустанную поддержку нашего демократического развития со стороны международного сообщества через посредство международных присутствий, сформированных в Косово на основании резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности ООН. Мы приглашаем и приветствуем международное гражданское присутствие, которое пронаблюдало бы за осуществлением нами Плана Ахтисаари, и миссию по вопросам законности и правопорядка, возглавляемую Европейским союзом.

...

9. Настоящим мы берем на себя международные обязательства Косово, в том числе принятые от нашего имени Миссией Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово (МООНК)...

...

12. Настоящим мы ясно, определенно и бесповоротно заявляем, что Косово юридически обязуется соблюдать положения, закрепленные в настоящей Декларации, включая прежде всего обязательства, порождаемые для него Планом Ахтисаари... Мы публично заявляем, что все государства вправе полагаться на настоящую декларацию...».

76. Декларация независимости была принята на встрече, состоявшейся 17 февраля 2008 года, ста девятью из 120 членов Скупщины Косово, в том числе Премьер-министром Косово и Президентом Косово (который не являлся членом Скупщины). Десять членов Скупщины, представляющие косовосербское сообщество, и один член, представляющий косовогоранское сообщество, решили не присутствовать на этом заседании. Декларация была начертана на

двух листах папируса и зачитана, вотирована и подписана всеми присутствовавшими представителями. Она не была препровождена Специальному представителю Генерального секретаря и не публиковалась в «Официальном вестнике» временных институтов самоуправления Косово.

77. После провозглашения декларации независимости Республика Сербия уведомила Генерального секретаря, что ею принято решение, в котором говорится, что эта декларация представляет собой насильственное и одностороннее отделение части территории Сербии и не имеет никаких правовых последствий ни для Сербии, ни для международного правопорядка (S/PV.5839; доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, S/2008/211). Кроме того, 18 февраля 2008 года по просьбе Сербии было проведено чрезвычайное открытое заседание Совета Безопасности, и принявший в нем участие Президент Республики Сербия г-н Борис Тадич осудил декларацию независимости как незаконный акт, который Народная скупщина Сербии объявила не имеющим юридической силы (S/PV.5839).

IV. Вопрос о том, соответствует ли декларация независимости международному праву

78. Теперь Суд переходит к существу просьбы, поступившей от Генеральной Ассамблеи. Суд напоминает, что Генеральная Ассамблея просила его проанализировать соответствие декларации независимости от 17 февраля 2008 года «нормам международного права» (резолюция 63/3 Генеральной Ассамблеи, 8 октября 2008 года). Сначала Суд уделит внимание некоторым вопросам, касающимся законности деклараций независимости по общему международному праву, поскольку на этом фоне предстоит рассматривать поставленный вопрос, а также воспринимать и применять резолюцию 1244 (1999) Совета Безопасности. После определения этих общих рамок Суд перейдет к правовой значимости резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности и определит, создает ли эта резолюция специальные нормы и сопутствующие обязательства по международному праву, применимому к тем аспектам, которые затрагиваются рассматриваемой просьбой и имеют касательство к вопросу о законности декларации независимости от 17 февраля 2008 года.

A. Общее международное право

79. В XVIII, XIX и начале XX веков было много случаев появления деклараций независимости, которые нередко встречали резкое неприятие со стороны государств, независимость от которых провозглашалась. Иногда декларация приводила к созданию нового государства, а иногда нет. Однако ни в одном случае практика государств в целом не позволяет говорить о том, что акт промульгирования декларации рассматривался как противоречащий международному праву. Напротив, практика государств за этот период четко подводит к выводу о том, что международное право не содержало запрета на декларации независимости. Во второй половине XX века международно-правовое регулирование самоопределения развивалось таким путем, что появилось право на независимость для народов самоуправляющихся территорий и народов, под-

чиненных иностранному игу, господству и эксплуатации (ср. *Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971*, pp. 31–32, paras. 52–53; *East Timor (Portugal v. Australia), Judgment, I.C.J. Reports 1995*, p. 102, para. 29; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004 (I)*, pp. 171–172, para. 88). В результате осуществления этого права родилось на свет большое число новых государств. Вместе с тем бывало и так, что декларации независимости появлялись вне этого контекста. Практика государств в случаях подобного рода не указывает на формирование в международном праве новой нормы, запрещающей выступать с декларацией независимости в таких случаях.

80. Несколькими участниками разбирательства в Суде выдвигался аргумент о том, что запрещение односторонних деклараций независимости подразумевает принципом территориальной целостности.

Суд напоминает, что принцип территориальной целостности является важной частью международного правопорядка и что он закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций, в частности пункте 4 статьи 2, где предусмотрено:

«Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

В резолюции 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи под названием «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», которая отражает обычное международное право (*Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986*, pp. 101–103, paras. 191–193), Генеральная Ассамблея вновь изложила «принцип, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения... против территориальной целостности или политической независимости любого государства». Далее в этой резолюции перечисляются различные обязательства, предписывающие государствам воздерживаться от нарушения территориальной целостности других суверенных государств. В том же ключе Заключительный акт Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинкское совещание) от 1 августа 1975 года предусматривал: «Государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников» (статья IV). Таким образом, охват принципа территориальной целостности сводится к сфере межгосударственных отношений.

81. Несколько участников ссылалось на резолюции Совета Безопасности, в которых осуждались те или иные декларации независимости: см., в частности, резолюции 216 (1965) и 217 (1965) Совета Безопасности по Южной Родезии, резолюцию 541 (1983) Совета Безопасности по северному Кипру и резолюцию 787 (1992) Совета Безопасности по Республике Сербской.

Суд отмечает, однако, что во всех этих случаях Совет Безопасности вынес определение в отношении конкретной ситуации, существовавшей на момент появления этих деклараций независимости; устанавливаемая противоправность деклараций независимости вытекала, таким образом, не из одностороннего характера этих деклараций как такового, а из того факта, что они были или были бы связаны с незаконным применением силы либо иными вопиющими нарушениями норм общего международного права, в частности норм императивного характера (*jus cogens*). В контексте Косово Совет Безопасности никогда не занимал подобной позиции. Исключительный характер вышеперечисленных резолюций представляется Суду подтверждающим то, что из практики Совета Безопасности невозможно вывести общий запрет на односторонние декларации независимости.

*

82. Ряд участников настоящего разбирательства утверждал (правда, почти всякий раз это делалось только в порядке вторичного довода), что население Косово имеет право создать независимое государство либо в качестве проявления права на самоопределение, либо через реализацию, по их словам, права на «ремедиальное отделение» перед лицом ситуации в Косово.

Суд уже отмечал (см. пункт 79 выше), что одним из крупных сдвигов в международном праве во второй половине XX века стала эволюция права на самоопределение. Однако вопрос о том, предусматривает ли международно-правовое регулирование самоопределения — вне контекста самоуправляющихся территорий и народов, подчиненных иностранному игу, господству и эксплуатации, — за частью населения существующего государства право на отделение от этого государства, вызвал радикально расходящиеся мнения со стороны тех, кто принял участие в разбирательстве и обозначил свою позицию по этому предмету. Аналогичные разногласия отмечались и в вопросе о том, предусматривает ли международно-правовое регулирование право на «ремедиальное отделение» и если да, то в каких обстоятельствах. Резко разноречивые мнения высказывались и по поводу того, действительно ли существовали в Косово обстоятельства, которые, по утверждению некоторых участников, порожили бы право на «ремедиальное отделение».

83. Суд считает, что в настоящем случае разрешать эти вопросы нет необходимости. Генеральная Ассамблея запросила заключение Суда только по вопросу о том, соответствует ли декларация независимости международному праву. Дебаты же относительно объема права на самоопределение и существования какого-либо права на «ремедиальное отделение» затрагивают право на отделение от государства. Суд уже отмечал (см. пункты 49–56 выше), что данный аспект находится за пределами вопроса, поставленного Генеральной Ассамблеей, и почти все участники были с этим согласны. Чтобы ответить на поставленный вопрос, Суду нужно лишь определить, нарушила ли декларация независимости либо общее международное право, либо *lex specialis*, созданный резолюцией 1244 (1999) Совета Безопасности.

*

84. В силу уже приведенных причин Суд считает, что общее международное право не содержит применимого запрета на декларации независимости. Поэтому он заключает, что декларация независимости от 17 февраля 2008 года не нарушила общее международное право. Придя к этому выводу, Суд переходит теперь к вопросу о правовой значимости резолюции 1244 Совета Безопасности, принятой 10 июня 1999 года.

В. Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности и выработанные на ее основании Конституционные рамки МООНК

85. Сообразно правовым рамкам, задаваемым Уставом Организации Объединенных Наций, и прежде всего на основании его статей 24, 25 и главы VII, Совет Безопасности может принимать резолюции, порождающие международно-правовые обязательства. Суду приходилось истолковывать и применять такие резолюции Совета Безопасности, и он последовательно трактовал их как часть корпуса обязательств по международному праву (*Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971*, p. 16; *Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United Kingdom), Provisional Measures, Order of 14 April 1992, I.C.J. Reports 1992*, p. 15, paras. 39–41; *Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United States of America), Provisional Measures, Order of 14 April 1992, I.C.J. Reports 1992*, pp. 126–127, paras. 42–44). Резолюция 1244 (1999) была однозначно принята Советом Безопасности на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций и, следовательно, явно порождает международно-правовые обязательства. Суд отмечает, что никто из участников не ставил под сомнение тот факт, что резолюция 1244 (1999), которая конкретно посвящена положению в Косово, является частью права, значимого в рассматриваемой ситуации.

86. Суд констатирует, что по косовскому вопросу было принято еще несколько резолюций Совета Безопасности, в частности резолюции 1160 (1998), 1199 (1998), 1203 (1998) и 1239 (1999) Совета Безопасности, однако Суд не видит необходимости специально высказываться относительно резолюций Совета Безопасности, принятых до резолюции 1244 (1999); в любом случае они упомянуты во втором пункте ее преамбулы.

*

87. Определенное число участников коснулось вопроса о том, являются ли распоряжения, принимаемые от имени МООНК Специальным представителем Генерального секретаря, и прежде всего Конституционные рамки (см. пункт 62 выше), тоже частью применимого международного права по смыслу просьбы Генеральной Ассамблеи.

88. В частности, Суду приводился аргумент о том, что Конституционные рамки являются актом, относящимся по своему характеру к внутреннему, а не международному праву. Согласно этому аргументу, Конституционные рамки не будут являться частью международного права, применимого в настоящем слу-

чае, а вопрос о совместимости с ними декларации независимости окажется поэтому за пределами просьбы Генеральной Ассамблеи.

Суд отмечает, что распоряжения МООНК, включая распоряжение 2001/9, по которому промульгировались Конституционные рамки, принимаются Специальным представителем Генерального секретаря на основании полномочий, вытекающих из резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности, в частности ее пунктов 6, 10 и 11, а значит, в конечном счете из Устава Организации Объединенных Наций. Конституционные рамки черпают свою обязательную силу из обязывающего характера резолюции 1244 (1999) и тем самым из международного права. В этом смысле они носят международно-правовой характер.

89. В то же время Суд отмечает, что Конституционные рамки функционируют как часть специфического правопорядка, который создан во исполнение резолюции 1244 (1999), применим только в Косово и предназначен для того, чтобы на протяжении временного этапа, установленного резолюцией 1244 (1999), регулировать вопросы, которые в обычной ситуации являлись бы предметом внутреннего, а не международного права. Распоряжение 2001/9 открывается заявлением о том, что Конституционные рамки промульгируются

«для целей развития эффективного самоуправления в Косово до окончательного урегулирования и создания временных институтов самоуправления в законодательной, исполнительной и судебной областях через посредство участия населения в Косово в свободных и справедливых выборах».

Таким образом, Конституционные рамки вступили в действие как часть совокупности правовых норм, принятой для администрации в Косово на временном этапе. Конституционные рамки уполномочили созданные ими институты принимать решения, которые вступали в действие внутри этой совокупности норм. В частности, Скупщина Косово была уполномочена принимать законодательство, которое обретало силу закона внутри этого правопорядка, причем Специальный представитель Генерального секретаря всегда обладал полномочиями на его отмену.

90. Суд отмечает, что и резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности, и Конституционные рамки наделяют Специального представителя Генерального секретаря существенными надзорными полномочиями по отношению к временным институтам самоуправления, созданным под началом Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово. Как отмечалось выше (см. пункт 58), резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности предусматривает «временную администрацию для Косово... [которая] будет обеспечивать переходную администрацию, одновременно создавая и контролируя развитие временных демократических органов самоуправления» (пункт 10). В резолюции 1244 (1999) говорится далее, что «основные обязанности международного гражданского присутствия будут включать... организацию и контроль за развитием временных институтов демократического и автономного самоуправления до достижения политического урегулирования, включая проведение выборов» (пункт 11(c)). Сходным образом, как указывалось выше (см. пункт 62), в соответствии с Конституционными рамками временные институты самоуправления должны были функционировать во взаимодействии со Специальным представителем Генерального секретаря и под его руководством в осуществлении резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности.

91. Суд отмечает, что по состоянию на 17 февраля 2008 года резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности и Конституционные рамки сохраняли свою силу и применимость. Пункт 19 резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности прямо предусматривает, что «международные гражданское присутствие и присутствие по безопасности учреждаются на первоначальный 12-месячный период с последующим продолжением, если только Совет Безопасности не примет иного решения». Ни на заседании, проведенном им 18 февраля 2008 года, когда впервые обсуждалась декларация независимости, ни на каком-либо последующем заседании Совет Безопасности не принимал решения об изменении резолюции 1244 (1999). В заявлении Председателя от 26 ноября 2008 года (S/PRST/2008/44) лишь приветственно отмечалось «сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и другими международными участниками, в рамках резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности» (выделение добавлено). Кроме того, на основании пункта 21 своей резолюции 1244 (1999) Совет Безопасности постановлял «продолжать активно заниматься этим вопросом» и оставлял пункт «Резолюции Совета Безопасности 1160 (1998), 1199 (1998), 1203 (1998), 1239 (1999) и 1244 (1999)» в своей повестке дня (из самых последних документов см. доклад Совета Безопасности, 1 августа 2008 года — 31 июля 2009 года, Генеральная Ассамблея, Официальные отчеты, шестьдесят четвертая сессия, Дополнение № 2, стр. 45 и далее, стр. 141 и далее). К тому же в главе 14.3 Конституционных рамок устанавливается, что «СПГС... может вносить поправки в настоящие Конституционные рамки». Незначительные поправки вносились на основании распоряжений МООНК UNMIK/REG/2002/9 от 3 мая 2002 года, UNMIK/REG/2007/29 от 4 октября 2007 года, UNMIK/REG/2008/1 от 8 января 2008 года и UNMIK/REG/2008/9 от 8 февраля 2008 года. Наконец, ни в резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности, ни в Конституционных рамках нет клаузулы, предусматривающей прекращение их действия, и ни тот, ни другой документ не отменен; таким образом, они образуют собой международное право, применимое к ситуации, сложившейся в Косово на 17 февраля 2008 года.

92. Наряду с этим Специальный представитель Генерального секретаря продолжает осуществлять свои функции в Косово. Генеральный же секретарь продолжал представлять Совету Безопасности периодические доклады, требуемые пунктом 20 резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности (из самых последних документов см. квартальный доклад Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, S/2010/169, 6 апреля 2010 года; см. также предыдущие доклады, S/2008/692 от 24 ноября 2008 года, S/2009/149 от 17 марта 2009 года, S/2009/300 от 10 июня 2009 года, S/2009/497 от 30 сентября 2009 года и S/2010/5 от 5 января 2010 года).

93. Из вышесказанного Суд заключает, что резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности и Конституционные рамки образуют часть международного права, которое надлежит рассмотреть, чтобы ответить на вопрос, сформулированный Генеральной Ассамблеей в ее просьбе о вынесении консультативного заключения.

1. Толкование резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности

94. Прежде чем продолжать далее, Совет должен напомнить о нескольких факторах, имеющих касательство к толкованию резолюций Совета Безопасности. Ориентиром могут служить нормы толкования договоров, воплощенные в статьях 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров, однако различия между резолюциями Совета Безопасности и международными договорами означают, что толкование резолюций Совета Безопасности требует учета еще и других факторов. Резолюции Совета Безопасности издаются единым коллективным органом и составляются в порядке, сильно отличающемся от того, который используется при заключении договора. Резолюции Совета Безопасности — это продукт процесса голосования, расписываемого в статье 27 Устава, и окончательный текст таких резолюций представляет собой мнение Совета Безопасности как органа. Кроме того, резолюции Совета Безопасности могут быть обязывающими для всех государств-членов (*Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971*, p. 54, para. 116), независимо от того, играли ли те какую-либо роль в их составлении. Толкование резолюций Совета Безопасности может потребовать анализа Судом заявлений, делавшихся во время их принятия представителями членом Совета Безопасности, других резолюций Совета Безопасности по тому же вопросу, а также последующей практики соответствующих органов Организации Объединенных Наций и практики государств, затронутых данными конкретными резолюциями.

*

95. Для начала Суд отмечает, что резолюцию 1244 (1999) нужно воспринимать в совокупности с общими принципами, приведенными в приложениях 1 и 2 к ней, поскольку в самой резолюции Совет Безопасности: «1. *постановляет*, что политическое урегулирование косовского кризиса будет основываться на общих принципах, изложенных в приложении 1 и развитых далее в принципах и других необходимых условиях, изложенных в приложении 2». Эти общие принципы были призваны для начала разрядить косовский кризис путем обеспечения прекращения насилия и репрессий в Косово и путем учреждения временной администрации. Предусматривалось решение и более долгосрочного порядка, состоявшее в том, что резолюции 1244 (1999) предстояло инициировать

«политический процесс, направленный на заключение временного политического рамочного соглашения, предусматривающего значительную степень самоуправления для Косово, с полным учетом соглашений, подготовленных в Рамбуйе, и принципов суверенитета и территориальной целостности Союзной Республики Югославия и других стран региона, и демилитаризацию ОАК» (резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности от 10 июня 1999 года, приложение 1, шестой принцип; там же, приложение 2, пункт 8).

Уместно также напомнить, что ссылка на суверенитет и территориальную целостность Союзной Республики Югославия содержится и в десятом пункте преамбулы резолюции 1244 (1999).

96. Очертив ранее основные характеристики резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности (см. пункты 58–59), Суд отмечает далее, что для уяснения ее объекта и цели имеют значение три особенности этой резолюции.

97. Во-первых, резолюция 1244 (1999) учреждает в Косово международные гражданское присутствие и присутствие по безопасности, обладающие всеми гражданскими и политическими полномочиями и единолично отвечающие за управление Косово. Как говорилось выше (см. пункт 60), 12 июня 1999 года Генеральный секретарь представил Совету Безопасности свою предварительную оперативную концепцию общей организации гражданского присутствия в лице МООНК. 25 июля 1999 года Специальный представитель Генерального секретаря промульгировал распоряжение 1999/1 МООНК, которое должно было считаться вступившим в силу с 10 июня 1999 года — даты принятия резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности. Согласно этому распоряжению, «все законодательные и исполнительные функции в отношении Косово, включая функции по отправлению правосудия» возлагались на МООНК, а осуществлять их предстояло Специальному представителю. Таким образом, эффект от резолюции 1244 (1999) и распоряжения 1999/1 МООНК, воспринимаемых в совокупности, выразился в том, что они заменили собой правопорядок, действовавший на тот момент на территории Косово, и привели к созданию международной территориальной администрации. По этой причине учреждение в Косово гражданского присутствия и присутствия по безопасности, развернутых на основании резолюции 1244 (1999), нужно понимать как исключительную меру, затрагивающую гражданские, политические аспекты и аспекты безопасности и призванную преодолеть кризис, существовавший на этой территории в 1999 году.

98. Во-вторых, решение, воплощенное в резолюции 1244 (1999), а именно введение временной международной территориальной администрации, было задумано в гуманитарных целях: предоставить средство для стабилизации Косово и для восстановления элементарного общественного порядка в охваченном кризисом районе. Это становится очевидно из текста самой резолюции 1244 (1999): во втором пункте ее преамбулы содержится ссылка на резолюцию 1239 Совета Безопасности, которая была принята 14 мая 1999 года и в которой Совет Безопасности выразил «серьезную обеспокоенность в связи с гуманитарным кризисом в и вокруг Косово». Приоритеты, обозначенные в пункте 11 резолюции 1244 (1999), были дополнительно проработаны в так называемых «четыре основы», касающихся управления Косово и описанных в докладе Генерального секретаря от 12 июня 1999 года (пункт 60 выше). Делая упор на эти «четыре основы», а именно временную гражданскую администрацию, гуманитарные вопросы, институциональное развитие и восстановление, и возлагая ответственность за эти стержневые компоненты на разные международные организации и учреждения, резолюция 1244 (1999) была явно призвана добиться стабилизации и восстановления. Временная администрация в Косово была предназначена для того, чтобы временно приостановить осуществление Сербией своей власти, проистекающей из ее сохраняющегося суверенитета над территорией Косово. Цель правового режима, установленного по резолюции 1244 (1999), состояла в том, чтобы создать в Косово местные институты самоуправления под эгидой временного международного присутствия, организовать их и проконтролировать их развитие.

99. В-третьих, резолюция 1244 (1999) явно вводит временный режим; ее нельзя воспринимать как устанавливающую постоянные институциональные рамки на территории Косово. Эта резолюция поручает МООНК лишь содействовать искомому согласованному урегулированию будущего статуса Косово, не предвещая исход переговорного процесса.

100. Поэтому Суд заключает, что объект и цель резолюции 1244 (1999) состояли в создании временного, исключительного правового режима, который заменял собой сербский правопорядок (кроме как в части, в какой он прямо предусматривал его сохранение) и был нацелен на стабилизацию Косово и который был призван обеспечивать это на временной основе.

2. Вопрос о том, соответствует ли декларация независимости резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности и введенным на ее основании мерам

101. Теперь Суд перейдет к вопросу о том, привносят ли резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности или введенные на ее основании меры конкретный запрет против провозглашения декларации независимости, распространяющийся на тех, кто принял декларацию независимости от 17 февраля 2008 года. Чтобы ответить на этот вопрос, Суду необходимо сначала, как разъяснялось в пункте 52 выше, точно определить, кто выступил с этой декларацией.

а) Идентификация авторов декларации независимости

102. Суду нужно определить, была ли декларация независимости от 17 февраля 2008 года актом «Скупщины Косово» — одного из временных институтов самоуправления, созданных на основании главы 9 Конституционных рамок, — или же те, кто принимал декларацию, действовали в ином качестве.

103. Суд констатирует, что по данному вопросу высказывались разные мнения. С одной стороны, в ходе разбирательства Суду заявлялось о том, что встреча, на которой была принята декларация, была заседанием Скупщины Косово, действовавшей в качестве одного из временных институтов самоуправления в пределах Конституционных рамок. Другие участники отмечали, что и язык документа, и обстоятельства, при которых он был принят, четко показывают, что декларация от 17 февраля 2008 года не исходила от временных институтов самоуправления и не обрела силу в тех правовых рамках, которые были созданы для управления Косово на протяжении временного этапа.

104. Суд отмечает, что, открывая встречу 17 февраля 2008 года, на которой была принята декларация независимости, Председатель Скупщины и Премьер-министр Косово упомянули Скупщину Косово и Конституционные рамки. Однако Суд считает, что декларация независимости должна рассматриваться в более широком ее контексте, с учетом событий, предшествовавших ее принятию, в частности связанных с так называемым «процессом определения окончательного статуса» (см. пункты 64–73). Резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности была посвящена главным образом установлению временных рамок самоуправления для Косово (см. пункт 58 выше). Хотя во время принятия этой резолюции ожидалось, что окончательный статус Косово вырисуеться и будет оформляться из введенных ею рамок, конкретные контуры процесса определения окончательного статуса, не говоря уже о его исходе, были оставлены резолюцией 1244 (1999) Совета Безопасности открытыми. Так, в ее пункте 11, особенно его подпунктах (d), (e) и (f), вопросы окончательного статуса разбирают-

ся только в той степени, в какой обязанности МООНК включают «содействие политическому процессу, призванному определить будущий статус Косово, принимая во внимание соглашения Рамбуйе», а «на заключительном этапе — контроль за передачей полномочий от временных органов Косово к органам, учрежденным в рамках политического урегулирования».

105. Декларация независимости отражает осознание ее авторами того, что переговоры об окончательном статусе провалились и что достигнут критический момент для будущего Косово. Преамбула декларации упоминает «годы международно спонсировавшихся переговоров между Белградом и Приштиной по вопросу о будущем политическом статусе» и прямо помещает декларацию в контекст провала переговоров об окончательном статусе: так, в ней заявляется, что «взаимоприемлемое статусное решение оказалось невозможным» (десятый и одиннадцатый пункты преамбулы). Отталкиваясь от этого, авторы декларации независимости подчеркивают свою решимость увидеть статус Косово «урегулированным» и дать народу Косово «ясность в отношении своего будущего» (тринадцатый пункт преамбулы). Эти формулировки показывают, что авторы декларации стремились не действовать в стандартных рамках внутреннего самоуправления Косово, а сделать Косово «независимым и суверенным государством» (пункт 1). Таким образом, обретение силы декларацией независимости мыслилось теми, кто ее принимал, не внутри правопорядка, который был создан для временного этапа, да оно и не могло произойти внутри него. Наоборот, Суд считает, что авторы декларации не действовали и не намеревались действовать в качестве института, созданного и уполномоченного действовать внутри этого правопорядка, а задались целью принять меру, значимость и последствия которой окажутся вне его.

106. Данный вывод подкрепляется тем фактом, что авторы декларации обещали выполнять международные обязательства Косово, в частности порожденные для Косово МООНК (декларация независимости, пункт 9), и прямо и торжественно провозгласили, что Косово будет связано по отношению к третьим государствам обязательствами, сформулированными в декларации (там же, пункт 12). В отличие от этого режим Конституционных рамок предусматривал, что все вопросы, касающиеся ведения внешних сношений Косово, являются исключительной прерогативой Специального представителя Генерального секретаря:

«m) заключение соглашений с государствами и международными организациями по всем вопросам, подпадающим под сферу охвата резолюции 1244 (1999) СБООН;

n) надзор за выполнением обязательств, зафиксированных в международных соглашениях, заключенных от имени МООНК;

o) внешние сношения, в том числе с государствами и международными организациями...» (глава 8.1 Конституционных рамок, «Полномочия и функции, зарезервированные за СПГС»), —

причем в этих вопросах Специальный представитель Генерального секретаря лишь консультируется и сотрудничает с временными институтами самоуправления.

107. На тот же вывод указывают и некоторые особенности текста декларации и обстоятельства ее принятия. В подлиннике декларации на албанском языке (только этот текст является аутентичным) нигде не говорится о том, что декларация исходит от Скупщины Косово. Слова «Скупщина Косово» появляются сверху декларации только в английском и французском переводах, содержащихся в досье, которое было представлено от имени Генерального секретаря. Формулировки, использованные в декларации, отличаются от тех, которые употребляются в актах Скупщины Косово: первый пункт начинается фразой «Мы, демократически избранные руководители нашего народа...», тогда как акты Скупщины Косово составляются в третьем лице единственного числа.

Процедура, примененная в связи с декларацией, тоже отличалась от процедуры, которой Скупщина Косово следует при принятии законодательства. В частности, декларация была подписана всеми присутствовавшими при ее принятии, включая Президента Косово, который (как отмечалось в пункте 76 выше) не являлся членом Скупщины Косово. Вообще же самоидентификация лиц, принявших декларацию независимости, в качестве «демократически избранных руководителей нашего народа» непосредственно предшествует собственно декларации независимости в тексте («настоящим провозглашаем Косово независимым и суверенным государством»; пункт 1). Примечательно и то, что декларация не была препровождена Специальному представителю Генерального секретаря для опубликования в «Официальном вестнике».

108. Довольно знаменательна и реакция Специального представителя Генерального секретаря на декларацию независимости. Конституционные рамки уполномочивали Специального представителя контролировать, а в некоторых обстоятельствах — и отменять акты временных институтов самоуправления. В прошлом, в частности в период с 2002 по 2005 год, когда Скупщина Косово предпринимала инициативы по продвижению независимости Косово, Специальный представитель квалифицировал ряд актов как несовместимые с Конституционными рамками на том основании, что они расцениваются как «выходящие за сферу компетенции» Скупщины (досье Организации Объединенных Наций № 189, 7 февраля 2003 года), а значит, находятся вне полномочий Скупщины Косово.

Молчание Специального представителя Генерального секретаря при появлении декларации независимости от 17 февраля 2008 года позволяет предположить, что он не считал декларацию актом временных институтов самоуправления, призванным обрести силу внутри правопорядка, за которым было поручено следить Специальному представителю. Как показывает практика, он был бы обязан принять меры в отношении актов Скупщины Косово, отнесенных им к категории *ultra vires*.

Суд согласен, что в докладе Генерального секретаря о Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной администрации в Косово, представленном Совету Безопасности 28 марта 2008 года, говорится, что «Скупщина Косово провела заседание, на котором была принята «декларация о независимости», провозглашающая Косово независимым и суверенным государством» (документ Организации Объединенных Наций S/2008/211, пункт 3). Это был обычный периодический доклад о деятельности МООНК, целью которого было проинформировать Совет Безопасности о событиях в Косово; он не был

призван дать юридический анализ декларации или того, в каком качестве действовали принимавшие ее лица.

109. Поэтому Суд приходит к выводу о том, что, если взять все факторы вместе, авторы декларации независимости от 17 февраля 2008 года действовали не как один из временных институтов самоуправления в пределах Конституционных рамок, а как лица, совместно выступившие в качестве представителей народа Косово вне рамок временной администрации.

b) Вопрос о том, действовали ли авторы декларации независимости в нарушение резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности или введенных на ее основании мер

110. Идентифицировав авторов декларации независимости, Суд переходит к вопросу о том, противоречил ли их акт, выразившийся в промульгировании декларации, какому-либо запрету, содержащемуся в резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности или принятых на ее основании Конституционных рамках.

111. Суд напоминает, что этот вопрос был на настоящем разбирательстве предметом полемики. Некоторые участники разбирательства утверждали, что декларация независимости от 17 февраля 2008 года была односторонней попыткой положить конец международному присутствию, учрежденному резолюцией 1244 (1999) Совета Безопасности, т. е. добиться результата, который, как было заявлено, мог быть достигнут только по решению самого Совета Безопасности. Выдвигался также довод о том, что постоянного урегулирования для Косово можно было достичь только по договоренности всех вовлеченных сторон (включая, в частности, согласие Республики Сербия) либо по специальной резолюции Совета Безопасности, одобряющей конкретный окончательный статус для Косово, как это предусмотрено в Руководящих принципах Контактной группы. Согласно этому мнению, односторонняя акция авторов декларации независимости не стыкуется с резолюцией 1244 (1999) Совета Безопасности и составляет поэтому нарушение этой резолюции.

112. Другие участники изложили Суду мысль о том, что резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности не препятствовала независимости Косово и не исключала ее возможность. Они утверждали, что резолюция регулирует только внутреннюю администрацию в Косово, а не его окончательный или постоянный статус. В частности, был выдвинут аргумент о том, что резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности не порождает международно-правовых обязательств, запрещающих выступать с декларацией независимости или делающих ее недействительной, и что она не адресована авторам декларации независимости. Согласно этой позиции, если бы Совет Безопасности хотел не допустить декларацию независимости, он четко и недвусмысленно отразил бы это в тексте резолюции, как он сделал в резолюции 787 (1992) по поводу Республики Сербской. Кроме того, было заявлено, что фигурирующие в приложениях к резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности ссылки на соглашения Рамбуйе, а значит, опосредованно и на «волю народа» (см. главу 8.3 соглашений Рамбуйе) Косово поддерживают мнение о том, что резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности не только не возражала против декларации независимости, но и предполагала ее. Еще одни участники выдвигали утверждение о том, что по крайней мере с того момента, как был исчерпан переговорный процесс, резо-

люция 1244 (1999) Совета Безопасности перестала быть препятствием для декларации независимости.

*

113. На вопрос о том, запрещает ли резолюция 1244 (1999) авторам декларации от 17 февраля 2008 года провозглашать независимость от Республики Сербия, можно ответить лишь путем внимательного прочтения этой резолюции (см. пункт 94 и далее).

114. Во-первых, Суд отмечает, что резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности была, в сущности, задумана с целью создать для Косово временный режим, который послужил бы руслом для долгосрочного политического процесса по установлению его окончательного статуса. Резолюция не содержит никаких положений, где разбирались бы окончательный статус Косово или условия для его достижения.

В этой связи Суд констатирует, что, как показывает современная практика Совета Безопасности, в ситуациях, когда Совет Безопасности решает установить ограничительные условия для постоянного статуса какой-либо территории, эти условия оговариваются в соответствующей резолюции. Например, хотя тут фактические обстоятельства отличались от ситуации в Косово, спустя всего 19 дней после принятия резолюции 1244 (1999) Совет Безопасности в своей резолюции 1251 от 29 июня 1999 года вновь подтвердил свою позицию в отношении того, что «кипрское урегулирование должно быть основано на государстве Кипр с единым суверенитетом и международной правосубъектностью и с единым гражданством, в условиях обеспечения его независимости и территориальной целостности» (пункт 11). Таким образом, Совет Безопасности изложил конкретные условия в отношении постоянного статуса Кипра.

С этим контрастируют положения резолюции 1244 (1999), в которой Совет Безопасности не зарезервировал за собой окончательное определение ситуации в Косово и умолчал об условиях в отношении окончательного статуса Косово.

Значит, резолюция 1244 (1999) не препятствует провозглашению декларации независимости от 17 февраля 2008 года, поскольку эти два документа действуют в разных плоскостях: в отличие от резолюции 1244 (1999), декларация независимости является попыткой окончательно определить статус Косово.

115. Во-вторых, если перейти к вопросу об адресатах резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности, то, как говорилось выше (см. пункт 58), в ней излагаются общие рамки для того, чтобы «развернуть в Косово, под эгидой Организации Объединенных Наций, международные гражданское присутствие и присутствие по безопасности» (пункт 5). Она посвящена главным образом формулированию обязательств и полномочий государств — членов Организации Объединенных Наций, а также инстанций Организации Объединенных Наций, таких как Генеральный секретарь и его Специальный представитель (см., в частности, пункты 3, 5, 6, 7, 9, 10 и 11 резолюции 1244 (1999) Совет Безопасности). Единственное место, где в резолюции 1244 (1999) прямо упоминаются другие субъекты, связано с требованием Совета Безопасности, во-первых, о том, чтобы «ОАК и другие вооруженные группы косовских албанцев немедленно прекратили все наступательные действия и выполнили требования в отношении демилитаризации» (пункт 15), а во-вторых, о том, чтобы

«все, кого это касается, включая международное присутствие по безопасности, в полной мере сотрудничали с Международным трибуналом по бывшей Югославии» (пункт 14). В тексте резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности нет никаких указаний на то, что Совет Безопасности намеревался возложить на другие подобные субъекты еще какую-то конкретную обязанность, предусматривающую определенные действия или запрещающую их.

116. Суд напоминает в этой связи, что для Совета Безопасности не редкость ситуация, когда он выдвигает требования не к государствам — членам Организации Объединенных Наций или межправительственным организациям, а к другим субъектам. Если говорить более конкретно, то в ряде резолюций Совета Безопасности, принимавшихся по косовской проблематике до резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности, содержались требования, адресованные *eo nomine* косоалбанскому руководству. Например, резолюция 1160 (1998) призывала «власти в Белграде и руководство албанской общины Косово срочно начать без предварительных условий конструктивный диалог по вопросам политического статуса» (резолюция 1160 (1998), пункт 4; выделение добавлено). Резолюция 1199 (1998) включала четыре отдельных требования к косоалбанскому руководству, а именно: улучшить гуманитарную ситуацию, вступить в диалог с Союзной Республикой Югославия, добиваться своих целей исключительно мирными средствами и в полной мере сотрудничать с Обвинителем Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (резолюция 1199 (1998), пункты 2, 3, 6 и 13). Резолюция 1203 (1998) требовала, чтобы «руководители косовских албанцев и все другие члены албанской общины Косово полностью и оперативно выполнили резолюции 1160 (1998) и 1199 (1998) и в полной мере сотрудничали с Контрольной миссией ОБСЕ в Косово» (резолюция 1203 (1998), пункт 4). Кроме того, та же резолюция призывала к тому, чтобы «руководители косовских албанцев незамедлительно начали, без предварительных условий, с международным участием и в рамках четкого графика, конструктивный диалог, ведущий к прекращению кризиса и политическому решению проблемы Косово на основе переговоров», требовала, чтобы «руководители косовских албанцев и все другие, кого это касается, уважали свободу передвижения Контрольной миссии ОБСЕ и другого международного персонала», настаивала на том, чтобы «руководители косовских албанцев осудили всякую террористическую деятельность», и требовала от косоалбанского руководства «содействия международным усилиям, направленным на улучшение гуманитарной ситуации и предотвращение надвигающейся гуманитарной катастрофы» (резолюция 1203 (1998), пункты 5, 6, 10 и 11).

117. Подобная ссылка на косоалбанское руководство или другие субъекты в тексте резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности отсутствует, хотя там есть довольно общая ссылка на «всех, кого это касается» (пункт 14). При толковании резолюций Совета Безопасности Суд должен, учитывая все соответствующие обстоятельства, в каждом отдельном случае устанавливать, кого Совет Безопасности намеревался связать юридическими обязательствами. Важным индикатором в этом отношении могут служить употребленные в резолюции формулировки. *Mutatis mutandis* здесь актуален также подход, применявшийся Судом в вопросе об обязательной силе резолюций Совета Безопасности вообще. В этом контексте Суд напоминает о своем предыдущем заявлении следующего содержания:

«Прежде чем можно будет сделать вывод об обязательной силе какой-либо резолюции Совета Безопасности, следует тщательно проанализировать ее формулировки. С учетом характера полномочий, предусмотренных статьей 25, вопрос о том, действительно ли они применены, надлежит определять в каждом случае, принимая во внимание положения толкуемой резолюции, предшествовавшие ей обсуждения, привлекаемые постановления Устава и вообще все обстоятельства, которые могли бы помочь в определении правовых последствий резолюции Совета Безопасности» (*Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276 (1970), Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1971*, p. 53, para. 114).

118. Памятуя об этом, Суд не может принять аргумент о том, что резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности содержит запрет на провозглашение независимости, обязательный для авторов декларации независимости; такой запрет нельзя вывести и из формулировок резолюции, воспринимаемой в ее контексте и с учетом ее объекта и цели. Формулировки резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности в этом отношении — в лучшем случае неоднозначны. Как было обстоятельно разъяснено (см. пункты 96–100), объект и цель этой резолюции состоят в том, чтобы ввести временную администрацию для Косово, не делая при этом какого-то окончательного определения по вопросам окончательного статуса. В тексте резолюции объясняется, что

«основные обязанности международного гражданского присутствия будут включать... организацию и контроль за развитием временных институтов демократического и автономного самоуправления *до достижения политического урегулирования*» (пункт 11(с) резолюции; выделение добавлено).

Словосочетание «политическое урегулирование», часто цитировавшееся в ходе настоящего разбирательства, не меняет этого вывода. Во-первых, ссылка на него дана в связи с перечислением обязанностей международного гражданского присутствия, т. е. Специального представителя Генерального секретаря в Косово и МООНК, а не обязанностей других субъектов. Во-вторых, как это иллюстрируется расхождением во мнениях, высказывавшихся Суду, термин «политическое урегулирование» допускает различные толкования. Поэтому Суд заключает, что эту часть резолюции 1244 (1999) Совета Безопасности нельзя трактовать как включающую запрет на провозглашение независимости, обращенный, в частности, к авторам декларации от 17 февраля 2008 года.

119. В связи с этим Суд находит, что резолюция 1244 (1999) Совета Безопасности не препятствовала авторам декларации от 17 февраля 2008 года выступить с декларацией независимости от Республики Сербия. Следовательно, декларация независимости не нарушила резолюцию 1244 (1999) Совета Безопасности.

*

120. Теперь Суд переходит к вопросу о том, нарушены ли декларацией независимости от 17 февраля 2008 года Конституционные рамки, введенные под эгидой МООНК. Глава 5 Конституционных рамок определяет полномочия временных институтов самоуправления Косово. Рядом государств, участвовавших в разбирательстве в Суде, выдвигался аргумент о том, что промульгирова-

ние декларации независимости является актом, выходящим за пределы полномочий временных институтов самоуправления, изложенных в Конституционных рамках.

121. Однако Суд уже сделал (см. пункты 102–109 выше) вывод о том, что декларация независимости от 17 февраля 2008 года не была провозглашена временными институтами самоуправления и не являлась актом, который был призван обрести силу или действительно обрел силу внутри того правопорядка, в котором функционировали эти временные институты. Отсюда следует, что авторы декларации независимости не были связаны теми рамками из полномочий и обязанностей, которые были установлены с целью регламентировать поведение временных институтов самоуправления. Поэтому Суд находит, что декларация независимости не нарушила Конституционные рамки.

* * *

V. Общий вывод

122. Выше Суд заключил, что принятие декларации независимости от 17 февраля 2008 года не нарушило общее международное право, резолюцию 1244 (1999) Совета Безопасности или Конституционные рамки. Следовательно, принятие этой декларации не нарушило какую-либо применимую норму международного права.

* * *

123. По этим основаниям

Суд

1) единогласно

устанавливает, что обладает юрисдикцией для вынесения запрошенного консультативного заключения;

2) девятью голосами против пяти

постановляет удовлетворить просьбу о консультативном заключении;

за: *Председатель* Овада; *судьи* аль-Хасауна, Бюргенталь, Зимма, Абраам, Сепульведа-Амор, Кансаду Триндади, Юсуф, Гринвуд;

против: *Вице-председатель* Томка; *судьи* Коррома, Кит, Беннуна, Скотников;

3) десятью голосами против четырех

заключает, что декларация независимости Косово, принятая 17 февраля 2008 года, не нарушила международное право.

за: *Председатель* Овада; *судьи* аль-Хасауна, Бюргенталь, Зимма, Абраам, Кит, Сепульведа-Амор, Кансаду Триндади, Юсуф, Гринвуд;

против: *Вице-председатель* Томка; *судьи* Коррома, Беннуна, Скотников.

Совершено на английском и французском языках, причем английский текст имеет преимущественную силу, во Дворце мира в Гааге двадцать второго июля две тысячи десятого года в двух экземплярах, один из которых будет помещен в архив Суда, а другой препровожден Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций.

(Подпись) Хисаси **Овада**
Председатель

(Подпись) Филипп **Куврёр**
Секретарь

Вице-председатель Томка приобщает к консультативному заключению Суда заявление; судья Корома приобщает к консультативному заключению Суда несогласное мнение; судья Зимма приобщает к консультативному заключению Суда заявление; судьи Кит и Сепульведа-Амор приобщают к консультативному заключению Суда особые мнения; судьи Беннуна и Скотников приобщают к консультативному заключению Суда несогласные мнения; судьи Кансиду Триндади и Юсуф приобщают к консультативному заключению Суда особые мнения.

(Инициалы) Х. О.

(Инициалы) Ф. К.
